

Шмяк!

Автор:

[Терри Пратчетт](#)

Шмяк!

Терри Пратчетт

Плоский мир
Городская Стража #8

В самом блистательном городе Плоского мира – Анк-Морпорке – снова неспокойно: близится 200-летняя годовщина Кумской битвы. Именно в Кумской долине в один злополучный день то ли гномы исподтишка напали на троллей, то ли тролли исподтишка напали на гномов. Нет, враждовали они с сотворения мира, но именно эта битва придала обоюдной ненависти официальный статус. Она сделалась историческим объяснением того, почему нельзя доверять этим мелким бородатым/здоровенным бугристым ублюдкам.

А это значит, что на улицах Анк-Морпорка надо вводить дополнительные патрули.

Впрочем, спасение мира и поддержание порядка – это обычная работа для неподражаемого герцога Анкского. Ах да, надо же еще расследовать убийство глубинного гнома, разобраться с новой наркотой на улицах города и, самое главное, ровно в шесть вечера прочитать Юному Сэму «Где моя корова?». Последнее пропустить никак нельзя.

Впервые на русском языке!

Терри Пратчетт

Шмяк!

Terry Pratchett

THUD!

Copyright © 2005 by Terry and Lyn Pratchett

© В. Сергеева, перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Первое, что сделал Так, – он написал себя.

Второе, что сделал Так, – он написал Законы.

Третье, что сделал Так, – он написал Мир.

Четвертое, что сделал Так, – он написал пещеру.

Пятое, что сделал Так, – он написал жеоду, каменное яйцо.

И в сумеречном чреве пещеры из жеоды вылупились Братья.

Первый Брат пошел на свет и встал под открытым небом. Поэтому он вырос слишком высоким и стал первым Человеком. Он не нашел Законов и просветился.

Второй Брат пошел во мрак и встал под каменной кровлей. Поэтому он достиг нужного роста и стал первым Гномом. Он нашел Законы, которые написал Так, и погрузился во тьму.

Но часть живой души Така осталась в разбитом каменном яйце и превратилась в первого Тролля, который бродит по миру незванным и нежеланным, без души и без цели, не учась и не понимая. Опасаясь и света и тьмы, он вечно ковыляет в полумраке, ничего не зная, ничего не постигая, ничего не творя и будучи ничем...

Из книги «Гд Так' Гар» («Что написал Так»), в пер. проф. У. У. У. Уайлдблада, изд-во Незримого Университета, цена 8 АМ долларов. В оригинале последний абзац цитаты, судя по всему, позднейшая интерполяция.

Тот кого гора не сокрушить

Тот кого солнце не остановить

Тот кого молот не разбить

Тот кого огонь не устрашить

Тот кого ум выше сердца

Тот алмаз

Перевод тролльей пиктограммы, вырезанной на куске базальта и найденной на нижнем уровне анк-морпорской паточной шахты. Созд. примерно 500 000 лет назад.

Шмяк.

Именно такой звук издала дубина, войдя в соприкосновение с черепом. Тело дернулось и рухнуло навзничь.

Дело было сделано – неслышно, незримо. Идеальный финал, идеальное решение, идеальная история.

Но, как говорят гномы, там, где случаются неприятности, всегда ищи тролля.

Троль видел.

День начался идеально. Сэм Ваймс знал, что вскоре от удачного начала не останется и следа, но хотя бы на несколько минут можно было представить, что неизбежное не произойдет.

Сэм Ваймс брился. Ежедневный акт неповиновения, напоминающий о том, что он... просто Сэм Ваймс.

Конечно, он брился в особняке, и во время процедуры дворецкий читал ему выдержки из «Таймс», но все это были... не более чем сопутствующие обстоятельства. Из зеркала по-прежнему глядел Сэм Ваймс. Если бы оттуда взглянул герцог Анкский, Ваймс счел бы это дурным знаком. «Герцог» – лишь название должности, и точка.

– Преимущественно новости касаются текущей... ситуации с гномами, сэр, – произнес Вилликинс, пока Ваймс обрабатывал область под носом, требующую особого внимания. Он до сих пор пользовался дедушкиной опасной бритвой. Еще один островок реальности. И потом, тогдашняя сталь была намного лучше теперешней. Сибилла, которая с непонятым восторгом относилась к новейшим техническим штучкам, предложила мужу приобрести самую современную бритву, в которой сидел маленький бесенок с индивидуальными ножницами и быстренько срезал все волоски, но Ваймс настоял на своем. Если кто-нибудь и будет орудовать лезвием по его лицу, то исключительно он сам.

– Кумская долина, Кумская долина, – пробормотал он, глядя на отражение в зеркале. – Что-нибудь новенькое?

– В общем, нет, сэр, – сказал Вилликинс, вновь открывая первую страницу. – Опубликован отчет о речи, которую произнес граг Бедролом. Пишут, что после нее начались беспорядки. Несколько гномов и троллей получили ранения. Главы диаспор призывают к спокойствию.

Ваймс стряхнул с лезвия пену.

– Ха! Неудивительно. Скажи, Вилликинс, ты часто дрался в детстве? Состоял в уличной банде или вроде того?

– Я имел честь принадлежать к Грубиянам с Поддельнообразной улицы, сэр, – ответил дворецкий.

– Правда? – Ваймс искренне впечатлился. – Помнится, это были крепкие орешки.

– Спасибо, сэр, – невозмутимо отозвался Вилликинс. – Я горжусь тем, что обыкновенно мне доводилось нанести противнику больше ущерба, нежели пострадать самому, если вдруг молодые люди с Канатной улицы испытывали необходимость вновь обсудить больной вопрос относительно спорной территории. Их излюбленным оружием, насколько я помню, были крючья, которыми пользуются грузчики.

– А вашим? – с любопытством спросил Ваймс.

– Заточенные монетки, зашитые в поля шляпы, сэр. Всегда под рукой в трудной ситуации.

– Черт возьми, старина. Да ведь такой штукой ничего не стоит выбить глаз.

– Если постараться – да, сэр, – ответил Вилликинс, тщательно сворачивая полотенце.

«А теперь ты стоишь здесь в полосатых брюках и форменной куртке, сияющий, как солнечный зайчик, и упитанный, как поросенок, – подумал Ваймс, вытирая

под ушами. – А я стал герцогом. Вот оно как бывает».

– Ты когда-нибудь слышал, чтобы кто-то предлагал: «А давайте-ка устроим беспорядки?» – поинтересовался он.

– Никогда, сэр, – сказал Вилликинс, снова беря «Таймс».

– Я тоже. Такое случается только в газетах. – Ваймс мельком взглянул на повязку на руке. Рана до сих пор давала о себе знать.

– Там случайно не написано, что я взял ситуацию под контроль?

– Нет, сэр. Зато сказано, что враждующие стороны удалось развести благодаря героическим действиям Стражи, сэр.

– Так и сказано – героическим?

– Да, сэр.

– Ну ладно, – проворчал Ваймс. – А они не пишут, что двух полисменов пришлось отправить в Бесплатную больницу, причем один пострадал довольно серьезно?

– Как ни странно, нет, сэр, – ответил дворецкий.

– Хм. Как обычно. Продолжай.

Вилликинс многозначительно кашлянул.

– Я бы посоветовал вам прослушать следующий абзац, предварительно опустив бритву, сэр. Из-за маленького пореза на прошлой неделе мне досталось от ее светлости.

Ваймс увидел, как его отражение вздохнуло, и опустил бритву.

– Ну ладно, Вилликинс. Выкладывай худшее.

За спиной профессионально зашелестела газета.

- Заголовок на третьей странице гласит: «Констебль-вампир в Страже?», сэр, - объявил дворецкий и осторожно отступил на шаг.

- Проклятье! Кто им сболтнул?

- Честное слово, не знаю, сэр. Здесь сказано, что в принципе вы возражаете против вампиров в Страже, но сегодня побеседуете с кандидатом. По этому вопросу идет оживленная полемика.

- Открой-ка восьмую страницу, - попросил Ваймс.

Бумага снова зашелестела.

- Ну? - потребовал он. - Именно там, если не ошибаюсь, обычно помещают дурацкую политическую карикатуру.

- Вы ведь опустили бритву, не так ли, сэр? - поинтересовался Вилликинс.

- Да!

- Также я посоветовал бы вам отойти от раковины, сэр.

- Там нарисовали меня, да? - мрачно уточнил Ваймс.

- Именно, сэр. Здесь изображен маленький перепуганный вампир и ваша светлость, если можно так выразиться, в величину гораздо крупнее натуральной. Вы опираетесь на конторку и держите в правой руке деревянный кол. Подпись гласит: «Как насчет протоКОЛа?», сэр. Это забавная игра слов, которая, с одной стороны, намекает на стандартную полицейскую процедуру...

- Да, да, я понял, - устало отозвался Ваймс. - Ты не мог бы сбежать и выкупить оригинал, прежде чем это сделает Сибилла? Каждый раз, когда на меня рисуют карикатуру, она добывает оригинал и вешает его в библиотеке!

– Э... мистер Физз весьма правдоподобно передает выражение лица, сэр, – подтвердил дворецкий. – С прискорбием вынужден признать, что ее светлость уже приказала мне сходить в редакцию «Таймс» от ее имени.

Ваймс застонал.

– Более того, – продолжал Вилликинс, – ее светлость настоятельно просила напомнить вам, что они с Юным Сэмом будут ждать в студии сэра Джошуа ровно в одиннадцать, сэр. Работа над портретом вступила в решающую фазу, насколько я понимаю.

– Но я...

– Она выразилась недвусмысленно, сэр. Ее светлость сказала: если даже командор не может взять отгул, то кто же тогда может?

В этот самый день в 1802 году художник Методия Плут проснулся посреди ночи, потому что из ящика ночного столика слышались поскребывающие звуки битвы.

Опять.

Маленький фонарик освещал подвал – то есть придавал темноте различную фактуру и отделял менее густую тень от более густой.

Фигуры едва виднелись во мраке. Обычными глазами было почти невозможно различить, кто говорит.

– Держите язык за зубами, поняли?

– Держать язык за зубами? Здесь же труп!

– Гномы сами разберутся. Лишь бы городская стража не пронюхала. Им тут делать нечего. Или кто-нибудь из нас хочет, чтобы они явились сюда?

– Но среди стражников тоже есть гномы...

– Хха. Д’ркса. Слишком много времени проводят на солнце. Теперь они просто люди-недоростки. Разве они думают по-гномьи? А Ваймс будет докапываться и размахивать дурацкими бумажками, которые у них зовутся законом. С какой стати нам допускать такое насилие? И потом, что тут расследовать? Преступление мог совершить только тролль. Вы согласны? Я спрашиваю: все согласны?

– Именно, именно, – ответила одна из фигур. Голос был тонкий, старческий и, сказать по правде, неуверенный.

– Конечно, тролль, – отозвался другой голос, почти двойник предыдущего, но уверенности в нем звучало чуть больше.

Наступившую тишину подчеркивал неумолкающий звук насосов.

– Это мог быть только тролль, – подытожил первый голос. – Недаром говорится: если случилось преступление, ищи тролля.

Когда командор Сэм Ваймс прибыл на службу, перед Псевдополис-Ярдом уже собралась небольшая толпа. До тех пор стояло ясное солнечное утро. Теперь солнечно было по-прежнему, но далеко не так ясно.

Люди держали плакаты. Ваймс прочитал: «Долой кровопийц!» и «Никаких кльков!». Лица, исполненные угрюмого полуиспуганного вызова, повернулись к нему.

Он тихонько выругался, но не более того.

Отто Шрик, иконограф из «Таймс», стоял неподалеку с зонтиком в руках, и вид у него был подавленный. Он перехватил взгляд Ваймса и неторопливо подошел.

– Чего тебе тут надо, Отто? – спросил Ваймс. – Пришел зарисовать классический мятеж?

– Нофости есть нофости, командор, – сказал Отто, разглядывая начищенные ботинки.

– Кто тебе проболтался?

– Я просто делаит картинки, командор, – ответил Отто, уязвленно глядя на Ваймса. – Так или иначе, я не сказала бы фам, даже если бы знала, потому что у нас свобода слофа...

– Свобода подливать масла в огонь, ты это имеешь в виду? – уточнил Ваймс.

– Для фас это свобода, – сказал Отто. – Никто не гофорит, что это хорошо.

– Но... ты ведь тоже вампир, – заметил Ваймс, махнув рукой в сторону протестующих. – Неужели тебе по душе то, что тут творится?

– Нофости есть нофости, командор, – смиренно повторил Отто.

Ваймс вновь сердито взглянул на толпу. По большей части она состояла из людей. Плюс один тролль, хотя, скорее всего, он присоединился по самой очевидной причине – просто потому, что тут что-то происходило. Любому вампиру понадобились бы внушительный бурав и уйма терпения, чтобы причинить троллю хоть какой-то ощутимый вред. И все же в происходящем было нечто положительное, если подумать: небольшое уличное шоу отвлекало мысли от Кумской долины.

– Странно, что они не возражают против тебя, Отто, – сказал Ваймс, немного успокоившись.

– Ну, я не официальное лицо, – ответил тот. – У меня нет меча и знашка. Я не угрожайт. Я просто работаит. И люди смеются, когда смотрят на меня.

Ваймс уставился на него. Он никогда раньше об этом не задумывался. И все-таки... Маленький суетливый Отто, в театральном черном плаще на красной подкладке, с многочисленными карманами для всякого барахла, в начищенных черных ботинках, с аккуратно подстриженным треугольным чубчиком, а главное – с нелепым акцентом, который ослабевал или усиливался в зависимости от того,

с кем Отто разговаривал... нет, он никому не казался угрожающим. Ходячий анекдот, вампир из мюзик-холла. Раньше Ваймсу не приходило в голову, что, возможно, Отто в данном случае смеется последним. Развесели людей – и они перестанут бояться.

Он кивнул Отто и вошел. Сержант Шелли Задранец стояла за чересчур высоким столиком – взобравшись на ящик, – и на рукаве у нее сияли новенькие нашивки. Ваймс решил, что пора уже принять кое-какие меры. Некоторые гномы-стражники обижались из-за того, что были вынуждены пользоваться ящиком.

– Думаю, поставим снаружи парочку парней, Шелли, и хватит, – сказал он. – Никаких провокаций. Всего лишь небольшое напоминание о том, что за порядком тут следим мы.

– Вряд ли нам это понадобится, мистер Ваймс, – ответила Шелли.

– Я не хочу увидеть в «Таймс» карикатуру, где будет нарисовано, как толпа протестующих нападает на нашего первого новобранца-вампира, капра... сержант, – строго предупредил Ваймс.

– Я так и подумала, сэр, – сказала Шелли. – Поэтому я попросила сержанта Ангву встретить ее. Они прошли через заднюю дверь полчаса назад. Ангва показывает ей Ярд. Если не ошибаюсь, сейчас они в раздевалке.

– Ты попросила Ангву? – уточнил Ваймс, и сердце у него замерло.

– Да, сэр, – сказала Шелли и вдруг забеспокоилась. – Э... что-то не так?

Ваймс уставился на нее. Он подумал: «Шелли – отличный, дисциплинированный стражник. Хотел бы я иметь еще парочку таких же. И, честное слово, повышение она получила по праву. Но ведь она из Убервальда, – напомнил себе Ваймс. – Шелли должна бы знать о... трениях между вампирами и вервольфами. Может быть, это моя вина. Я сам всегда твержу, что все стражники одинаковы».

– Что? Нет, нет, – ответил он. – Все в порядке.

«Вампир и вервольф в одном помещении, – думал Ваймс, шагая вверх по лестнице в кабинет. – Что ж, им придется как-нибудь поладить. И это – лишь первая проблема».

– А еще я проводила мистера Пессимала в кабинет! – крикнула вдогонку Шелли.

Ваймс остановился на полпути.

– Мистера Пессимала?

– Правительственный инспектор, сэр, – напомнила Шелли. – Тот, о котором вы мне говорили.

«Ах да, – подумал Ваймс. – И это вторая проблема».

...Это все политика. Ваймс никогда не мог ухватить ее суть, потому что для честного человека политика представляла собой сплошные ловушки. В одну из них он угодил на прошлой неделе, в кабинете Ветинари, на самом обыкновенном совещании...

– А, Ваймс, – сказал его светлость, когда тот вошел. – Очень любезно с вашей стороны прийти. Сегодня чудесный день, не правда ли?

«Да – был до сих пор», – подумал Ваймс, заметив в кабинете еще двоих.

– Вы хотели меня видеть, сэр? – спросил он, повернувшись к патрицию. – «Силиконовая лига противников клеветы» устроила марш протеста на Водяной улице, и вплоть до Малых ворот тянется длиннющий затор...

– Не сомневаюсь, затор может подождать, командор.

– Да, сэр. В том-то и проблема, сэр. Именно это он и делает.

Ветинари томно отмахнулся.

– Улицы, забитые груженными телегами, – признак прогресса, Ваймс.

– Только в переносном смысле, сэр.

– Во всяком случае, я уверен, что ваши стражники справятся, – сказал Ветинари, кивком указывая на пустое кресло. – У вас их теперь так много. Столько расходов. Садитесь же, командор. Вы знакомы с мистером Джоном Смитом?

Мужчина за столом вынул трубку изо рта и взглянул на Ваймса с улыбкой дружелюбного маньяка.

– Кажется, до сих пор не имел удо'ольствия... – сказал он, протягивая руку. Невозможно, казалось бы, картавить на букву «в», но Джону Смиуту это как-то удавалось.

Жать руку вампиру? Черта с два, подумал Ваймс. Даже вампиру в безобразном свитере домашней вязки. Вместо рукопожатия он отсалютовал.

– Рад познакомиться, сэр, – отрывисто сказал он, становясь по стойке «смирно». Свитер, связанный из шерсти несочетающихся оттенков, с тошнотворным зигзагообразным узором, действительно был ужасен. Больше всего он смахивал на подарок от тетушки, страдающей дальтонизмом, – вещь, которую ты не смеешь выбросить из опасения, что мусорщики посмеются и пинком перевернут бак.

– Ваймс, мистер Смит... – начал Ветинари.

– ...председатель анк-морпоркского представительства убервальдской Лиги воздержания, – сказал Ваймс. – Насколько я знаю, дама рядом с ним – миссис Дорин Подмиггинс, казначей упомянутого учреждения. Речь пойдет о том, чтобы я взял в Стражу вампира, не так ли? Опять.

– Да, Ваймс, именно так, – ответил Ветинари. – И – да, опять. Может быть, все мы сядем? Ваймс?..

Ваймс понял, что выхода нет. Он обреченно опустился в кресло. На сей раз предстояло потерпеть поражение. Ветинари загнал его в угол.

Ваймс хорошо знал все аргументы сторонников того, чтобы в городской Страже служили представители различных видов. Аргументы были веские, тогда как некоторые доводы противной стороны никуда не годились. В Страже наличествовали тролли, множество гномов, один вервольф, три голема, Игорь и, наконец, капрал Шноббс[1 - Ваймс признавал, что в случае со Шнобби все далеко не так ясно. Шнобби, как и большинство других стражников, был человеком, хотя и вынужденным носить с собой документ, подтверждающий это.]... так почему бы и не вампир? Лига воздержания была признанным фактом. Члены Лиги, носившие черную ленточку с надписью «Ни капли!», – тоже. По общему мнению, вампиры, отказавшиеся от крови, отличались некоторыми странностями, но зато славились умом и сообразительностью и, следовательно, являлись полезными членами общества. А Стража была самым наглядным в городе воплощением власти. Почему бы не установить прецедент?

«Потому что, – отозвался потрепанный, но еще не побежденный дух Ваймса, – ты ненавидишь проклятых вампиров. Довольно обиняков, лицемерия, уклончивых фраз типа «общественное мнение этого не потерпит» и «сейчас неподходящее время». Ты, черт возьми, ненавидишь вампиров, и речь, черт возьми, о твоей Страже».

Остальные трое внимательно смотрели на него.

– Мистер Файмс, – сказала госпожа Подмиггинс, – мы нефольно замечайт, что фы до сих пор не приняли в Стражу ни однофо из членов Лиги...

«Меня зовут Ваймс, ради всего святого. Я ведь знаю, что ты в состоянии правильно выговорить мою фамилию. Впусти букву «в» в свою жизнь. Так или иначе, у меня есть еще один аргумент, и он воистину железобетонный».

– Госпожа Подмиггинс, – сказал Ваймс, – до сих пор ни один вампир и не собирался вступать в Стражу. У них просто голова не так устроена, чтоб быть стражниками. И, с вашего позволения, я – командор Ваймс.

Маленькие глазки госпожи Подмиггинс сверкнули праведным гневом.

– Фы хотите сказать, что фампиры... глупы?

– Нет, госпожа Подмиггинс. Я хочу сказать, что они слишком умны. В том-то и проблема. Зачем умному существу каждый день рисковать тем, что ему оторвут яй... в смысле, голову, и все это за тридцать восемь долларов в месяц плюс покрытие расходов? Вампиры полны собственного достоинства, образованны, и перед фамилией у них стоит «фон». Для вампира найдется сотня занятий получше, чем патрулировать улицы. Что вы от меня хотите – чтобы я силой загонял их служить в Страже?

– Может быть, сразу по'ышать их в чине? – намекнул Джон Смит. На лице у него выступил пот, неизменная улыбка казалась безумной. Ходили слухи, что исполнение обета воздержания дается ему нелегко.

– Нет. Все начинают с улицы, – отрезал Ваймс. Он слегка покривил душой, но предложение Смита его оскорбило. – В том числе в ночной смене. Хорошая подготовка. Лучшее, что только может быть. Целая неделя дождливых ночей, когда клубится туман, по шее течет вода и в темноте слышатся странные звуки... Вот тогда мы понимаем, достался ли нам хороший стражник.

Как только Ваймс закончил фразу, до него дошло: он сам загнал себя в ловушку.

Разумеется, они уже нашли кандидата.

– Да, это хороший нофость, – заметила госпожа Подмиггинс, откинувшись на спинку кресла.

Ваймсу захотелось встряхнуть ее и крикнуть: «Дорин, ты не вампир! Да, ты вышла замуж за вампира, но никакой нормальный человек не в силах представить, чтобы ему вдруг захотелось тебя укусить! Настоящие абстиненты по мере сил держатся спокойно и ненавязчиво. Никаких развевающих плащей, никакого причмокивания. Никто из них не срывает декольтированные ночные сорочки с юных девушек. Все знают, что Джон Никакой-Не-Вампир Смит на самом деле – граф Варго Сент-Груэт фон Вилинус. Но теперь он курит трубку, носит ужасные свитера, коллекционирует бананы и делает из спичек модели человеческих органов, поскольку считает, что хобби делает его человечнее. Но ты, Дорин? Ты родилась на Петушиной улице, и твоя матушка была прачкой! Никому бы и в голову не пришло срывать с тебя ночнушку, разве что в исследовательских целях. Но ты... кажется, всерьез увлеклась. Это, черт возьми, тоже хобби. Ты пытаешься выглядеть вампиристее, чем настоящие вампиры! И,

кстати, твои вставные клыки прыгают, когда ты говоришь!»

– Ваймс?

– Да?.. – Он понял, что все это время остальные что-то обсуждали.

– У мистера Смита хорошие новости, – сказал Ветинари.

– Действительно, – подтвердил Джон Смит с безумной улыбкой. – У нас есть для вас кандидат, командор. Вампир, который хочет служить Страже.

– И, конечно, ночное время не представляет никаких проблем, – торжествующе подхватила Дорин. – Мы и есть ночь!

– Вы хотите сказать, что я должен... – начал Ваймс.

– О нет, командор, – быстро перебил патриций. – Мы, несомненно, признаем вашу независимость в качестве командира Стражи. Разумеется, вы вправе принять любого, кого сочтете подходящим. Я прошу лишь справедливости ради побеседовать с новым кандидатом.

«Да, конечно, – подумал Ваймс. – Отношения с Убервальдом немного упростятся, не так ли, если вы похвалитесь, что в Страже у вас служит вампир с черной ленточкой. А если я его прогоню, мне придется назвать причину. «Я, понимаете ли, не терплю вампиров» вряд ли послужит удовлетворительным объяснением».

– Конечно, – сказал он вслух. – Присылайте его.

– На самом деле ее. – Ветинари заглянул в бумаги. – Салация Делорезиста Аманиа Тригестатра Зелдана Малефи... – Он запнулся и перевернул несколько страниц. – Думаю, часть имен можно пропустить, но в конце стоит «фон Хампеддинг». Ей пятьдесят один год. Но, – быстро добавил патриций, прежде чем Ваймс успел ухватиться за соломинку, – возраст для вампира ничего не значит. Кстати, она предпочитает, чтобы ее называли просто Салли.

Раздевалка казалась слишком маленькой. Как и все остальные помещения. Сержант Ангва пыталась затаить дыхание.

Выйти в просторный коридор. Еще лучше – на свежий воздух. Ей нечем было дышать. Точнее сказать, нечем, кроме запаха вампира.

Дура Шелли! Но Ангва не могла отказаться, потому что это выглядело бы нехорошо. Оставалось лишь улыбаться и терпеть, подавляя сильнейшее желание перекусить вампирше горло.

«Она, разумеется, понимает, что происходит, – подумала Ангва. – Вампиры прекрасно знают, что источают ауру безыскусной непринужденности. Они не теряют уверенности в любой компании, повсюду как дома, и остальные в их присутствии чувствуют себя неуклюжими, второсортными созданиями. О Господи. «Зовите меня Салли!»

– Извини, – сказала она, усилив воли стараясь не щетиниться. – Здесь немного тесновато... – Ангва кашлянула. – В любом случае делать нечего. Не беспокойся, здесь всегда так пахнет. И можешь даже не трудиться запирать свой шкафчик, потому что все ключи одинаковые, и потом, дверца, как правило, открывается, если правильно надавить. Не храни в шкафчике ничего ценного, здесь слишком много стражников. И не расстраивайся, если однажды обнаружишь святую воду или деревянный кол.

– А такое возможно? – спросила Салли.

– Не просто возможно, – заверила Ангва. – Это обязательно произойдет. Я, например, постоянно находила в шкафчике ошейники и собачье печенье.

– Ты не жаловалась?

– Что? Нет! Исключено! – огрызнулась Ангва. Она жалела, что нельзя перестать дышать. Волосы наверняка уже пришли в полный беспорядок.

– Но я думала, что Стража...

– Послушай, стражникам все равно, кто ты... кто мы такие, – перебила Ангва. – Будь ты гномом, тебе подсунули бы башмаки на платформе или стремянку, ну и так далее, хотя в последнее время шуточек стало меньше. Разыгрывают всех, у стражников такой обычай. Им интересно, как ты себя поведешь. Понятно? Никому нет дела до того, кто ты – тролль, гном, зомби или вампир...

«Ну, почти никакого дела», – подумала Ангва.

– Главное – не будь нытиком и ябедой. И, по правде говоря, то печенье было вкусное. Кстати, ты видела Игоря?

– И не раз, – сказала Салли. Ангва натянуто улыбнулась. В Убервальде Игоря встречаются на каждом шагу. Особенно если ты вампир.

– Нашего Игоря, я имею в виду.

– Кажется, нет.

Ага. Прекрасно. Обычно Ангва избегала заходить в лабораторию, потому что витающие там запахи были либо до жути искусственными, либо, напротив, вызывающе органическими, но теперь она бы с наслаждением их понюхала. Ангва устремилась к двери быстрее, чем дозволяется приличиями, и постучала.

Дверь со скрипом отворилась. Всякая дверь, которую открывает Игорь, обязательно скрипит. Это особый шик.

– Привет, Игорь, – жизнерадостно воскликнула Салли. – Дай шесть!

Ангва оставила их болтать. Игоря по природе своей раболепны – а вампиры нет. Идеальное сочетание. По крайней мере, теперь-то она пойдет и подышит свежим воздухом.

Дверь открылась.

– Мистер Пессимал, сэр, – сказала Шелли, вводя в кабинет человека едва ли выше себя ростом. – А вот и редакционный экземпляр «Таймс»...

Мистер Пессимал был очень аккуратным. Даже слишком. Он казался складным?м. Дешевый, но очень чистый костюм, маленькие сверкающие ботинки. Волосы тоже сверкали, даже ярче ботинок. По центру головы шел пробор, столь старательно разглаженный на обе стороны, что казался нарисованным.

Все городские учреждения время от времени подвергаются проверке – так сказал Ветинари. С какой стати Ваймс должен оставаться в стороне? В конце концов, Стража – главная «дыра» в городском бюджете.

Ваймс намекнул, что «дыра» предполагает пустую трату денег.

«И все-таки», – сказал Ветинари. Этого оказалось достаточно. Нельзя спорить с «и все-таки».

Итогом оказался мистер Пессимал.

Он шел к Ваймсу и буквально мерцал на ходу. Ваймс вряд ли смог бы обозначить это каким-нибудь другим словом. Каждое движение было... аккуратным. «Держу пари, что у него складной бумажник и очки на ленточке», – подумал Ваймс.

Мистер Пессимал, сложившись в пояс, уселся на стул перед столом Ваймса и расстегнул портфель. Два негромких щелчка прозвучали как смертный приговор. Затем он торжественно надел очки. На черной ленточке.

– Удостоверение от лорда Ветинари, ваша светлость, – сказал он, протягивая бумагу.

– Спасибо, мистер... Э.И. Пессимал, – ответил Ваймс, взглянул на письмо и отложил в сторону. – Чем могу помочь? Кстати, в служебное время я – командор Ваймс.

– Мне понадобится свободный кабинет, ваша светлость. И доступ ко всем документам. Как вам известно, я обязан представить его милости полный отчет и расходно-доходный анализ в отношении Стражи, а также изложить свои идеи касательно улучшений в различных сферах ее деятельности. Ваше сотрудничество приветствуется, но не обязательно.

– Идеи касательно улучшений? – бодро переспросил Ваймс. Стоявшая за спиной Э. И. Пессимала сержант Задранец в ужасе закрыла глаза. – Прекрасно. Я славлюсь любовью к сотрудничеству. Если не ошибаюсь, насчет герцога вы в курсе?

– Да, ваша светлость, – сдержанно отозвался Э. И. Пессимал. – Так или иначе, вы – герцог Анкский, и было бы неуместным обращаться к вам как-то иначе. Это значило бы проявить неуважение.

– Понимаю. А как обращаться к вам, мистер Пессимал? – спросил Ваймс. Краем глаза он заметил, как половица в дальнем углу чуть заметно приподнялась.

– Э. И. Пессимал – этого вполне достаточно, ваша светлость, – ответил инспектор.

– Что значит «Э»? – поинтересовался Ваймс, на мгновение отводя взгляд от половицы.

– Просто «Э», ваша светлость, – терпеливо повторил Э. И. Пессимал. – Э. И. Пессимал.

– Вы хотите сказать, что вместо имени вам дали инициалы?

– Именно так, ваша светлость, – подтвердил инспектор.

– А как вас называют друзья?

Судя по лицу Э. И. Пессимала, он не понял основного тезиса. Ваймсу даже стало его немного жаль.

– Сержант Задранец за вами присмотрит, – сказал он с наигранной бодростью. – Найди для мистера Э. И. Пессимала помещение, сержант, и покажи все документы, какие он попросит.

И побольше, подумал Ваймс. Засыпь его бумагами, лишь бы он держался подальше от меня.

– Спасибо, ваша светлость, – сказал Э. И. Пессимал. – Но, кроме того, я буду должен опросить нескольких стражников.

– Зачем? – удивился Ваймс.

– Чтобы отчет получился исчерпывающим, ваша светлость, – спокойно объяснил мистер Э.И. Пессимал.

– Все, что вам нужно знать, расскажу я.

– Да, ваша светлость, но у ревизии свои правила. Я должен действовать совершенно независимо. *Quis custodiet ipsos custodes*, ваша светлость.

– Я знаю, как это переводится, – сказал Ваймс. – «Кто сторожит стражников?» Я, мистер Пессимал.

– Допустим, но кто сторожит вас, ваша светлость? – с легкой улыбкой заметил инспектор.

– Опять-таки я. Постоянно, – ответил Ваймс. – Поверьте.

– Предположим, ваша светлость. Тем не менее я представляю общественные интересы. Постараюсь не быть назойливым.

– Очень любезно с вашей стороны, мистер Пессимал, – сказал Ваймс, сдаваясь. Он и не подозревал, что в последнее время Ветинари отрастил на него такой зуб. Визит инспектора очень уж походил на очередной фокус его милости. – Ладно. Желаю приятно провести время в Псевдополис-Ярде... надеюсь, вы тут не задержитесь. Извините, я очень занят, проклятая Кумская долина и все такое. Зайди, Фред!

Этому трюку он научился у Ветинари. У посетителя пропадает желание задерживаться, когда уже вошел следующий. Вдобавок в жаркую погоду Фред сильно потел – он был просто чемпионом по потению. И за столько лет он так и не понял, что, если стоять в коридоре за дверью, то определенная половица слегка приподнимается – именно в том месте, где видно Ваймсу.

Половица опустилась, и сержант Колон вошел.

– Не знаю, как вы это проделываете, мистер Ваймс, – бодро сказал он. – Я только-только собирался постучать!

«Но сначала побольше подслушать», – подумал Ваймс. Впрочем, он с удовольствием отметил, что Э. И. Пессимал принюхался и поморщился.

– Что стряслось, Фред? – спросил он. – Не беспокойся, мистер Пессимал уже уходит. Займитесь делом, сержант Задранец. Приятного вам утра, мистер Пессимал.

Фред Колон снял шлем, как только Шелли увела инспектора, и вытер лоб.

– Там становится все жарче, – сказал он. – Похоже, собирается гроза.

– Да, Фред. Чего конкретно ты хотел? – Хотя Ваймс всегда был рад видеть Колона, он постарался намекнуть, что сейчас не лучшее время для визита.

– Э... в городе назревает кое-что серьезное, сэр, – сказал Фред с видом человека, который заучил эту фразу наизусть.

Ваймс вздохнул.

– Фред, ты хочешь сказать – что-то случилось?

– Да, сэр. Гномы, сэр. Я имею в виду, наши. Все хуже и хуже. Они собираются кучками. Всюду, куда ни глянь, сэр, шепчутся гномы. Замолкают, как только кто-нибудь подходит ближе. Даже сержанты. Они замолкают и странно смотрят, сэр. Тролли просто с ума сходят, и ничего удивительного.

– Повторения Кумской долины не будет, Фред, – предупредил Ваймс. – Я знаю, в городе сейчас только об этом и говорят, тем более что приближается годовщина, но я вывалю тонну кирпичей на голову любого стражника, который попытается устроить в раздевалке историческую реконструкцию. Он получит под зад, прежде чем успеет сообразить, в чем дело. Донеси эту мысль до каждого.

– Да, сэр. Но я не о том говорю, сэр. Про долину мы все в курсе. А сегодня появилось нечто новенькое. Неприятное ощущение, сэр, у меня прямо шея чешется. Гномы что-то знают. Но не говорят.

Ваймс помедлил. Фред Колон в служебном отношении был не подарок – медлительный, вялый, без особого воображения. Но он так долго патрулировал улицы, что буквально протер в мостовой желоб, и где-то в недрах этого толстого туповатого сержанта сформировалось наблюдательное существо, которое держало нос по ветру, внимательно слушало городские сплетни и читало свежие надписи на стенах, пусть даже ему и приходилось водить по ним пальцем.

– Наверное, проклятый Бедролом снова их взбудоражил, Фред, – сказал Ваймс.

– Я слышал, они упоминали его на своем жаргоне, сэр, но дело не только в нем, честное слово. Гномы по-настоящему встревожены, сэр. Творится что-то серьезное. Я прямо-таки вижу это, как в воде.

Ваймс догадался, что в данном случае речь идет не об анкских водах с их консистенцией. Хотя интуицию не отнесешь к доказательствам, которые можно без опаски предъявить в суде, но предчувствия городского динозавра вроде Фреда имели немалый вес, особенно для стражника.

– Где Моркоу? – спросил Ваймс.

– В городе, сэр. Он двинул обе смены на улицу Паточной шахты. Все работают по две смены, сэр, – с упреком закончил Фред Колон.

– Прости, Фред, сам знаешь, что творится. Я поговорю с ним, когда он вернется. Моркоу – гном, он разузнает, о чем говорят.

– Я бы сказал, что Моркоу для этого малость высоковат, – странным тоном произнес Колон.

Ваймс глянул на него искоса.

– С чего ты взял, Фред?

Колон покачал головой.

– Просто ощущение, сэр, – ответил он и добавил, с ноткой страдальческой ностальгии: – Было гораздо лучше, когда в Страже служили только мы с вами, Шнобби и Моркоу. В те дни мы знали, кто есть кто... и каждый знал, о чем думают другие...

– Да, потому что все думали об одном и том же, Фред: «Пусть хотя бы раз перевес будет на нашей стороне», – заметил Ваймс. – Слушай, я в курсе, что стражники устали. Но мне нужно, чтобы старшие офицеры не падали духом. Как тебе нравится твой новый кабинет?

Колон просиял.

– Очень мило, сэр. Не считая двери, конечно.

Найти нишу для Фреда Колона было нелегко. Если судить по первому взгляду – перед вами стоял человек, который, падая с отвесной скалы, непременно завис бы в воздухе и спросил дорогу. Новички обычно не удосуживались узнать сержанта Колона поближе. Они видели трусливого глупого толстяка – по правде говоря, Фред таким и был. Но дело тем не ограничивалось.

Колон приближался к пенсионному возрасту, но отнюдь не хотел уходить на покой. Ваймс обошел проблему, назначив его на пост начальника охраны, к всеобщему изумлению[2 - Что зачастую выражалось в репликах типа: «Старина Фред решил, что теперь его назначат охранять кладовую, вот он и согласился». Поскольку это образчик служебного юмора, ему необязательно быть смешным.], и выделив Фреду кабинет в Тренировочной школе на противоположной стороне переулка. Это здание давно – и, скорее всего, навсегда – вошло в городскую историю как «старая лимонадная фабрика». Вдобавок Ваймс придумал должность «офицера связи», потому что она внушительно звучала и никто не знал, что это значит. Еще он дал в помощь Фреду капрала Шноббса – еще одного динозавра Стражи.

Тем не менее система работала. Шнобби и Колон так хорошо знали город, что могли посостязаться с Ваймсом. На первый взгляд совершенно безвредные, они слонялись по улицам как будто бесцельно, наблюдая и прислушиваясь к городскому эквиваленту сигнального барабана. И иногда барабан звучал.

Некогда на том месте, где находился маленький душный кабинет Фреда, трудились женщины – засучив рукава, они мешали в огромных котлах «Сарсапариллу», «Малиновую лаву» и «Имбирный хлоп». А сейчас там всегда стоял наготове чайник, и к Фреду сходились давние приятели, бывшие стражники и старые жулики – иногда в одном лице. Ваймс охотно подписывал счета на пончики, которые поглощала вся эта публика, когда ей удавалось ненадолго вырваться из-под присмотра жен. Оно того стоило. Старые стражники держали глаза открытыми и сплетничали, как торговки.

Фактически единственной проблемой в нынешней жизни Фреда была дверь.

– Гильдия историков требует сохранить старую фабрику в том виде, как она есть, сержант, – сказал Ваймс.

– Знаю, сэр, но... на моей двери написано «Старые мешалки»!

– Красивая латунная табличка, Фред. Нужно же было где-то хранить запчасти. Важный исторический факт. Можешь наклеить сверху лист бумаги.

– Мы так и делаем, сэр, но парни всякий раз его срывают и гнусно хихикают.

Ваймс вздохнул.

– Уж разберись как-нибудь, Фред. Если старый сержант не в состоянии уладить такую мелочь, значит, мир стал очень странным местом. У тебя все?

– В общем, все, сэр, но...

– Ну же, Фред. День предстоит трудный.

– Вам никогда не попадался мистер Блеск, сэр?

– Чистящее средство для неровных поверхностей? – уточнил Ваймс.

– Э... что, сэр?

Сержанта Колона было легко сбить с толку. Ваймс устыдился.

– Прости, Фред. Нет, мне никогда не попадался мистер Блеск. А что?

– Э... да, в общем, ничего. «Мистер Блеск, он алмаз!» Я в последнее время несколько раз видел эту надпись на стенах. Тролльи граффити, сами знаете, обычно врезаны глубоко. И, похоже, тролли по этому поводу изрядно волнуются. Может, что-то важное.

Ваймс кивнул. Не обращать внимания на граффити можно только на свой страх и риск. Иногда таким образом город предупреждает о том, что у него на сердце, если не на уме.

– Значит, держи ухо востро, Фред. Я на тебя полагаюсь – пусть гудят, лишь бы не жалили, – сказал Ваймс с наигранной бодростью, рассчитывая воодушевить сержанта. – А я сейчас пойду взглянуть на нашего вампира.

– Удачи, Сэм. Похоже, нас ждет долгий день.

«Сэм», – подумал Ваймс, когда старый сержант вышел. – Ей-богу, он это заслужил, но Фред зовет меня Сэмом, лишь когда всерьез обеспокоен. Впрочем, все мы на нервах. Ждем первого взрыва...»

Ваймс развернул газету, которую Шелли оставила на столе. Он всегда читал на работе «Таймс», чтобы узнать новости, которые, по мнению Вилликинса, небезопасно было слушать во время бритья.

Кумская долина, Кумская долина. Ваймс перелистал газету и обнаружил Кумскую долину повсюду. Провалилась она, эта долина, чтоб ее боги разразили, хотя, судя по всему, они уже это сделали, прокляли и забыли. При близком рассмотрении долина была всего лишь очередной каменистой пустошью в горах. С точки зрения географии она находилась далеко, но в последнее время, казалось, изрядно приблизилась к Анк-Морпорку. Кумская долина перестала быть просто местом – во всяком случае, теперь. Она превратилась в образ мыслей.

Факты были таковы: именно там в один злополучный день, под недобрыми звездами, то ли гномы исподтишка напали на троллей, то ли тролли исподтишка напали на гномов. Насколько понимал Ваймс, они враждовали с сотворения мира, но в Кумской долине обоюдная ненависть обрела, так сказать, официальный статус и стала географически подвижной: Кумская долина была везде, где бы гном ни дрался с троллем. Даже если они спьяну сцепились в пабе – все равно это была Кумская долина. Она сделалась частью мифологии обеих рас, боевым кличем, историческим объяснением того, почему нельзя доверять этим мелким бородатым/здоровенным бугристым ублюдкам.

Со времен той, первой Кумской битвы случалось еще много других. Война между гномами и троллями была столкновением природных сил, наподобие вражды ветра и волн. Она катилась по инерции.

В субботу предстояла годовщина Кумской битвы, Анк-Морпорк кишел троллями и гномами – и знаете что? Чем больше тролли и гномы отдалялись от родных гор, тем важнее становилась проклятая Кумская долина. Черт с ними, с парадками, – городская стража ловко их разделяла, и в любом случае они проходили с утра, когда, по большей части, все еще были трезвы. Но когда по вечерам гномьи и тролльи бары пустели, разверзался ад.

В недобрые старые времена Стража находила себе еще какие-нибудь дела и возвращалась на улицы, лишь когда горячие головы остывали. После чего стражники выкатывали фургон и арестовывали всех троллей и гномов, слишком пьяных, избитых, чтобы двигаться, или мертвых. Проще некуда.

Так было раньше. А теперь город кишел троллями и гномами – нет, мысленно поправил себя Ваймс, город обогатился энергичными, быстро растущими диаспорами троллей и гномов, так что стало еще больше... скажем, разлитой в воздухе злобы. Слишком много древней политики, слишком много подначек. Ну и слишком много спиртного.

А когда начинаешь думать, что хуже уже некуда, вдруг появляется Бедролом и его дружки. Глубинные гномы, как их называют. Фундаментальные, что твой гранит. Они пришли этак с месяц назад, поселились в старом доме на Паточной улице и наняли местных парней, чтобы размуровать подвалы. Бедролом был грагом. Ваймс знал гномий язык достаточно, чтобы понять, что граг значит «уважаемый знаток гномьей мудрости». Бедролом, впрочем, трактовал ее каким-то особым образом. Он проповедовал превосходство гномов над троллями и

утверждал, что долг каждого гнома – идти по стопам предков и стереть троллий род с лица земли. Так, вероятно, гласила какая-то священная книга, а значит, все законно и даже обязательно для исполнения...

Молодые гномы слушали его, потому что Бедролом говорил об истории и предназначении и употреблял другие слова, которыми обычно пользуются, чтобы навести глянец на убийство. От них шли кругом головы... правда, преимущественно пустые. Злобные идиоты вроде Бедролома и были причиной того, что теперь гномы расхаживали повсюду не только с традиционными боевыми топорами, но и в тяжелых кольчугах, с кистенями, моргенштернами, секирами... тупая показная чванливость, обычно сопровождаемая бряцанием и лязгом.

Тролли тоже прислушивались. Появилось больше лишайников, больше клановых граффити, больше татуировок – и дубины тоже стали намного, намного больше.

Так было не всегда. В последние десять лет, ну или около того, напряжение немного спало. Гномы и тролли никогда не станут друзьями, но город их перемешал и сплавил, и Ваймсу казалось, что обе расы умудрялись уживаться бок о бок, обходясь, так сказать, поверхностным трением.

И теперь в плавильном котле вновь образовались комья.

Проклятый Бедролом. У Ваймса руки чесались арестовать его. Теоретически Бедролом не сделал ничего дурного, но для стражника, который знает свое дело, не существует преград. Разумеется, ничего не стоило пришить грагу «поведение, грозящее нарушением общественного порядка». Хотя Ветинари возразил бы. Он бы сказал, что арест Бедролома лишь накалит ситуацию, но куда еще хуже?!

Ваймс закрыл глаза и вспомнил маленькую фигурку в сплошном черном кожаном одеянии с капюшоном, который не позволял грагу совершить тяжкое преступление – увидеть дневной свет. Маленькая фигурка, большие слова. Ваймс их хорошо запомнил. «Берегитесь тролля. Не доверяйте ему. Гоните его от своих дверей. Тролль есть ничто, случайное порождение природы, он никем не написан, нечист, он – бледное, ревнивое каменное эхо живых, мыслящих созданий. В его черепе камень, в сердце камень. Он не строит, не копает, не сажает и не собирает урожай. Его рождение есть кража. Всюду, куда тролль

приходит со своей дубиной, он крадет. Если он не крадет, то замышляет украсть. Единственная цель его злополучной жизни – приблизиться к концу, освободиться от непомерно тяжелой ноши – собственных окаменелых мыслей. Я говорю это с грустью. Убить тролля – не преступление. Даже в худшем случае это акт милосердия».

И в ту самую минуту толпа ворвалась в зал...

Куда еще хуже? Вот куда. Ваймс, моргнув, вновь уставился в газету, на сей раз ища что-нибудь, хоть в малейшей степени указывающее на то, что обитатели Анк-Морпорка по-прежнему живут в реальном мире...

– Ах, чтоб тебе! – он встал и заспешил вниз по лестнице. Шелли буквально съежилась, услышав его гневные шаги.

– Мы об этом знали? – спросил Ваймс, швыряя газету на «Отчет о происшествиях».

– Знали о чем, сэр? – уточнила Шелли.

Ваймс ткнул в короткую иллюстрированную статью на четвертой странице, пронзив пальцем бумагу.

– Видишь? – прорычал он. – Какой-то безмозглый идиот из Почтового управления взял и выпустил марку с изображением Кумской битвы!

Гномиха нервно взглянула на статью.

– Э... две марки, сэр, – поправила она.

Ваймс пригляделся. Алый туман накрыл его так быстро, что он не успел разобрать подробности. Действительно, две марки. Почти одинаковые. Обе изображали Кумскую долину – каменистую чашу в кольце гор. Обе изображали битву. Но на одной маленькие фигурки троллей преследовали гномов справа налево, а на другой – гномы гнали троллей слева направо. Кумская долина, где тролли напали на гномов из засады, и наоборот. Ваймс застонал. Выбери свой вариант истории, по дешевке, за десять пенсов, ценный образец для коллекции.

– «Кумская долина, юбилейный выпуск», – прочел он. – Но мы не хотим, чтобы они ее вспоминали! Мы хотим, чтобы ее забыли!

– Это всего лишь марки, сэр, – сказала Шелли. – Нет закона против марок...

– Значит, должен быть закон против идиотов!

– Если бы он был, сэр, мы бы каждый день работали сверхурочно. – Шелли ухмыльнулась.

Ваймс слегка расслабился.

– Да, да, и не успели бы настроить достаточно камер. Помнишь ту марку с запахом капусты? «Пошли эмигрировавшим детям знакомый запах родины!» Они буквально самовозгорались, если сложить кучку побольше!

– Я до сих пор не могу вывести запах с одежды, сэр.

– Думаю, точно такая же проблема у целого ряда людей, живущих в сотне миль отсюда. Что мы, в конце концов, сделали с теми проклятыми марками?

– Я сложила их в шкафчик номер четыре и оставила ключ в замке, – ответила Шелли.

– Но Шнобби всегда ворует все, что не... – начал Ваймс.

– Вот именно, сэр, – радостно откликнулась Шелли. – Я их уже несколько недель не видела.

Со стороны столовой донесся грохот, а потом крик. Какая-то часть души Ваймса – притом немалая, – которая жила в ожидании первого взрыва, заставила его бегом пересечь кабинет, пронестись по коридору и ворваться в столовую с такой скоростью, что пыль за спиной встала столбом.

Взгляду командора предстала живая картина, участники которой воплощали различную степень вины. Один из деревянных столов был перевернут, еда и дешевая посуда валялись на полу. С одной стороны стоял констебль Слюда

(тролль), стиснутый между констеблями Флюоритом и Сланцем (троллями же), с другой – констебль Треснувцит (гном), которого удерживали, оторвав от земли, капрал Шнобби (предположительно человек) и констебль Хэддок (несомненно человек).

За другими столами тоже находились стражники, застигнутые в тот момент, когда они начали приподниматься. В тишине слышался звук, который можно было различить, лишь специально наострив уши, – это руки, застывшие в дюйме от оружия, медленно опускались обратно.

– Так, – в звенящей пустоте произнес Ваймс. – И кто бессовестно соврет первым? Капрал Шноббс?

– Ну, это, мистер Ваймс, – сказал Шнобби Шноббс, опуская онемевшего Треснувцита наземь. – Э... Треснувцит взял... э... ну да, взял по ошибке кружку Слюды... и... мы все заметили и вскочили... ну да... – успешно преодолев наиболее неловкий момент, Шнобби набирал обороты. – И кто-то опрокинул стол... потому что... – на лице капрала застыло выражение добродетельного идиотизма, – потому что он бы ведь обжегся, если бы хлебнул тролльего кофе, сэр.

Ваймс мысленно вздохнул. Глупая, нелепая отговорка, впрочем, не из худших. Для начала, в нее невозможно было поверить. Никакой гном по доброй воле не притронется к тролльему эспрессо, который представляет собой расплавленную химическую бурду, посыпанную сверху ржавчиной. Все это знали – точно так же, как знали, что Ваймс заметил в руках у Треснувцита занесенный топор, а у констебля Сланца – дубину, которую тот выкручивал у Слюды.

И все знали, что Ваймс вполне способен уволить первого же чертова идиота, который не вовремя шелохнется, а заодно, возможно, того, кто просто стоит рядом.

– Значит, вот как было дело? – уточнил Ваймс. – Значит, никто, например, не отпустил дурацкую шуточку в адрес коллеги-констебля и его собратьев по крови? Никто не совершил маленькую глупость вдобавок к большому бардаку, который сейчас творится на улицах?

– Ничего такого, сэр, – ответил Шнобби. – Просто небольшая... неприятность.

- Чуть не произошел несчастный случай, да?

- Дасэр!

- Нам тут не нужны несчастные случаи, не так ли, Шнобби?

- Нетсэр!

- Никому из нас не нужны несчастные случаи, я так полагаю, - добавил Ваймс, обводя взглядом комнату, и с мрачной радостью отметил, что некоторые констебли буквально вспотели, отчаянно стараясь не двигаться. - Они с такой легкостью случаются, если думать о чем-то, кроме работы... Всем понятно?

Послышалось общее бормотание.

- Не слышу!

На сей раз зазвучали вариации на тему «дасэр».

- Так, - подытожил Ваймс. - Теперь убирайтесь отсюда и поддерживайте порядок, потому что, черт возьми, здесь вы уж точно не этим занимаетесь.

Он с особой яростью уставился на Треснувщита и Слюду и зашагал обратно в кабинет, где чуть не столкнулся с сержантом Ангвой.

- Простите, сэр, я только что узнала... - начала она.

- Я все уладил, не беспокойся, - ответил Ваймс. - Но подступило уже близко.

- Некоторые гномы дошли до ручки, сэр. Я чую.

- Фред Колон тоже, - сказал Ваймс.

- Не думаю, что дело только в Бедроломе, сэр. Тут что-то... гномье.

– Да уж, это никак из них не выбьешь. И теперь, когда хуже уже некуда, изволь общаться с чертовым вампиром!

Ваймс слишком поздно заметил настойчивый взгляд Ангвы.

– Я так понимаю, речь обо мне, – негромко произнес кто-то позади него.

Фред Колон и Шнобби Шноббс, которым наскучил продолжительный обеденный перерыв, неторопливо шагали по Главной улице – так сказать, проветривали униформу. Случилось столько всего, что, возможно, не стоило торопиться обратно в Ярд.

Они шли как люди, в чьем распоряжении все время мира. Это и вправду было так. Они выбрали Главную улицу, потому что она была широкой и людной и на ней попадалось не слишком много гномов и троллей. Расчет безошибочный – во многих районах гномы и тролли сейчас слонялись или, как вариант, стояли компаниями, на тот случай, если кто-нибудь из этих бродячих ублюдков попытается поднять бучу в их квартале. Что ни день случались небольшие вспышки. В таких местах, с точки зрения Шнобби и Фреда, порядка было мало, поэтому какой толк стараться поддерживать то немногое, что еще осталось, не правда ли? Никто не станет сторожить овец там, где резвятся волки, ведь так? Само собой разумеется. Это просто глупо. В то время как на Главной улице – масса порядка, который, самоочевидно, нужно охранять. Здравый смысл подсказывал, что так оно и есть. Элементарно, как дважды два, хотя, впрочем, у Шнобби всегда были трудности с арифметикой.

– Дело скверное, – на ходу сказал Колон. – Я еще никогда не видел гномов такими.

– Ну, перед готовщиной Кумской битвы всегда нелегко, – заметил Шнобби.

– Да, но Бедролом их здорово взбудоражил, ей-богу. – Колон снял шлем и вытер лоб. – Я сказал Сэму, что, мол, вижу это в воде, и он впечатлился.

– Да уж, – согласился Шнобби. – Такое кого угодно впечатлит.

Колон постучал по переносице.

- Будет буря, Шнобби.

- На небе ни облачка, сержант.

- Фигура речи, Шнобби, фигура речи... - Колон вздохнул, искоса взглянув на приятеля, и продолжал уклончивым тоном человека, у которого что-то на уме: - Кстати говоря, Шнобби, еще одно дело, о котором я хотел с тобой поговорить как мужчина... - последовала чуть заметная пауза, - с мужчиной.

- Что, сержант?

- Знаешь, Шнобби, я всегда был лично заинтересован в твоём моральном благополучии, раз уж ты вырос без отца и некому направить тебя на путь истинный...

- Точно, сержант. Я бы совсем сбился с пути, если б не ты, - благомерно отозвался Шнобби.

- Помнишь, ты рассказывал мне про девушку, с которой ты встречаешься, как ее там...

- Беллочка, сержант?

- Ну да. Та, которая, ты сказал, работает в клубе.

- Она самая, сержант. Так в чем проблема? - тревожно спросил Шнобби.

- В общем, ни в чем... но когда на прошлой неделе у тебя был выходной, мы с констеблем Джолсоном зашли по делу в клуб «Розовая киска», Шнобби. Там, где танцуют на шесте и на столах, ну и все такое. Знаешь старую миссис Спуддинг, которая живет на Новой Булыжной улице?

- Старую миссис Спуддинг, у которой деревянные зубы, сержант?

– Точно, Шнобби, – авторитетно подтвердил Колон. – Она в том клубе моет полы. Так вот, когда она в восемь утра пришла на работу и больше там никого не было... короче, Шнобби, прямо неловко сказать, но, судя по всему, ей пришлось в голову взобраться на шест.

Оба помолчали. Шнобби прокрутил эту картинку на экране своего воображения и поспешно решил воспользоваться цензорскими ножницами.

– Но ей же не меньше семидесяти пяти, сержант! – воскликнул он, с ужасом и трепетом глядя в никуда.

– Что поделаться, Шнобби, всякая женщина имеет право помечтать. Разумеется, миссис Спуддинг позабыла, что она уже не такая гибкая, как раньше, и вдобавок запуталась ногой в собственных кальсонах и перепугалась, когда платье задралось на голову. Ей было уже совсем скверно, когда пришел управляющий. Бедняжка провисела вниз головой три часа, и вставные зубы у нее вывалились на пол. Шеста она, впрочем, так и не выпустила. Жуткая картина – с твоего позволения, без подробностей. Короче говоря, Джолсону пришлось оторвать шест от пола, и только тогда мы ее сняли. У этой старушки мускулы как у тролля, Шнобби, ей-богу. А потом, Шнобби, когда мы за сценой приводили миссис Спуддинг в чувство, пришла молодая особа, на которой из одежды были две блески и шнурок, и сказала, что она твоя подружка! Я прямо не знал куда смотреть!

– Смотреть можно куда угодно, главное – не трогать, сержант. За такое вышвыривают из клуба.

– Ты не сказал, что она танцует стриптиз, Шнобби! – возопил Фред.

– Не говори таким тоном, сержант, – обиженно отозвался тот. – Теперь другие времена. Беллочка – танцовщица высокого класса. Она даже ходит в клуб со своим шестом. И никаких шашней на рабочем месте.

– Но... демонстрировать свое тело непристойным образом, Шнобби? Танцевать без лифчика и практически без трусов? Разве так должна вести себя девушка?

Шнобби обдумал этот серьезный метафизический вопрос с разных сторон.

- Э... да, - предположил он.

- А я-то думал, ты по-прежнему встречаешься с Верити Тянитолкай. У нее отличный ларек с морепродуктами, - сказал Колон таким тоном, как будто выступал адвокатом в суде.

- Верити - славная девушка, если застать ее в хорошем настроении, - подтвердил Шнобби.

- То есть в те дни, когда она не велит тебе отвалить и не гоняется за тобой по улице, швыряясь крабами?

- Точно, сержант. Но, к сожалению, от нее всегда пахнет рыбой. И глаза слишком широко расставлены. Трудно встречаться с девушкой, которая не заметит тебя, если ты встанешь прямо перед ней.

- Сомневаюсь, что твоя Беллочка тебя заметит, если ты встанешь прямо перед ней! - взорвался Колон. - В ней почти шесть футов росту, а грудь... короче, она крупная девушка, Шнобби.

Фред Колон растерялся. Шнобби Шноббс - и танцовщица с пышными волосами, широкой улыбкой и... и так далее? Вы только вообразите. Тут у всякого зайдет ум за разум.

Он с усилием продолжал:

- Она мне сказала, Шнобби, что в мае ее выбрали девушкой месяца в журнале «Красотки и купальники». Это ж надо!..

- Ну и что, сержант? И не только в мае, но и в начале июня, - поправил Шнобби. - Для некоторых это единственный способ к ней приблизиться!

- Э... но все-таки я тебя спрашиваю, - барахтался Фред, - разве из девушки, которая показывает свое тело за деньги, получится подходящая жена для стражника? Подумай хорошенько!

Второй раз за пять минут так называемое лицо Шнобби сморщилось в тяжком раздумье.

- Это был вопрос на засыпку, сержант? - наконец поинтересовался он. - Потому как я точно знаю, что у Хэддока в шкафчике пришпилена одна картинка, и он всякий раз, когда открывает дверцу, говорит: «Ого, ну ты посмотри, какие у нее...»

- И вообще, как вы познакомились? - поспешно перебил Колон.

- Что? А. Наши взгляды встретились, когда я засовывал ей за подвязку долговую расписку, - радостно ответил Шнобби.

- Ее случайно не били по голове незадолго до того?

- Вряд ли, сержант.

- Она... ничем не больна? - Фред Колон исследовал все возможности.

- Нет, сержант!

- Ты уверен?

- Она говорит, что, возможно, мы - две половинки одной души, сержант, - мечтательно произнес Шнобби.

Колон застыл с поднятой ногой. Он смотрел в пустоту, и губы у него шевелились.

- Сержант?.. - озадаченно позвал Шнобби.

- Ну да... ну да... - сказал Фред, обращаясь, по большей части, к самому себе. - Да. Понимаю. Каждая половинка - со своим содержимым. Вроде как прошло через фильтр...

Нога опустилась на мостовую.

– Подождите!

Это было скорее блеяние, чем крик, и исходило оно из дверей Королевского музея искусств. Высокая худая фигура подзывала стражников. Те неторопливо подошли.

– Да, сэр? – спросил Колон, притронувшись к шлему.

– У нас кра-ажа! Не-екоторое время-я на-азад...

– Какой-какой зад? – переспросил Шнобби, который больше ничего не разобрал.

– Ох, боги. – Колон предостерегающе положил руку на плечо капрала. – Что-нибудь пропало?

– О, да-а, о, да-а. Строго говоря, потому-то я и ду-умаю, что имела место кра-ажа, – ответил незнакомец. У него был вид озадаченного цыпленка, но Фред Колон впечатлился. Этого человека с трудом можно было понять, с таким аристократизмом он выговаривал слова. Не столько речь, сколько музыкальные зевки.

– Я сэр Рейнольд Сшитт, куратор Музея изящных искусств. Я ше-ел по Длинной га-алере-е, и... воры украли Плута!

Он взглянул на бесстрастные лица двух стражей порядка.

– Методия Плут, – пояснил он. – Картина «Кумская битва». Бесценное произведение искусства.

Колон подтянулся.

– А. Это серьезно. Мы бы хотели посмотреть на нее. Э... то есть на то место, где она раньше висела.

– Да-а, да-а, конечно, – сказал сэр Рейнольд. – Сюда-а, пожа-алуйста. Насколько я знаю, современная стра-ажа способна узнать многое, всего лишь взглянув туда, где находилась пропавшая вещь. Не правда ли?

– Типа, узнать, что вещь пропала? – уточнил Шнобби. – Ну да. У нас это здорово получается.

– Э... да, например, – отозвался сэр Рейнольд. – Пройдемте.

Стражники последовали за ним. Разумеется, они и раньше заходили в музей, как и большинство горожан, когда не намечалось развлечения получше. В эпоху патриция Ветинари в музее стало меньше современных экспозиций, поскольку его светлость придерживался Определенных Взглядов, но неторопливая прогулка среди старинных гобеленов и пыльных потемневших полотен считалась неплохим способом провести вечер. И потом, всегда приятно посмотреть на изображения полных розовых женщин без одежды.

У Шнобби явно возникла проблема.

– Слушай, сержант, о чем вообще речь? – шепнул он. – Такое ощущение, что он все время зевает. Что такое га... гаре... «га-алере-ея»?

– Просто коридор, Шнобби. Так разговаривают настоящие аристократы.

– Да я его почти не понимаю!

– Потому что это высший класс, Шнобби. Им и не надо, чтоб люди вроде нас с тобой их понимали.

– Здорово подмечено, сержант, – сказал Шнобби. – Я бы не догадался.

– Вы обнаружили пропажу утром, сэр? – спросил Колон, пока они шагали вслед за куратором по галерее, все еще заставленной стремянками и чехлами.

– Да-а, да-а!

– Значит, картину украли ночью?

Сэр Рейнольд помедлил.

– Э... боюсь, де-ело не обяза-ательно обстояло именно так. Мы перестраиваем Длинную га-алере-ею. Картина слишком велика, чтобы ее переносить, разумеется, поэтому месяц назад мы-ы накрыли ее чехлами. Но когда сего-одня утром их сняли, то обнаружили пустую раму! Вот, полюбуйте!

Картина Плута занимала – точнее, некогда занимала – раму в десять футов высотой и пятьдесят длиной, которая сама по себе была произведением искусства. Хотя она и осталась на месте, но не обрамляла ничего, кроме неровной пыльной штукатурки.

– Подозреваю, теперь картина находится у какого-нибудь богатого частного коллекционера, – простонал сэр Рейнольд. – Но разве он сможет сохранить ее в тайне? Полотно Плута – одно из самых известных в мире! Каждый цивилизованный человек опознает его в одно мгновение!

– А как оно выглядело? – спросил Фред Колон.

Сэр Рейнольд немедленно снизил планку – естественная реакция при разговоре с анк-морпорскими «лучшими из лучших».

– Я, ве-ероятно, смогу найти репродукцию, – вздохнув, ответил он. – Но оригинал имеет пятьдесят футов длины! Вы что, никогда его не видели?

– Помнится, меня приводили сюда посмотреть на картину, когда я был мальчишкой. Она длинная, это точно. На нее даже толком не помотришь. Пока доберешься до другого конца, уже забудешь, что случилось в начале.

– Увы! Как ни приско-орбно, вы правы, сержант, – ответил сэр Рейнольд. – А доса-аднее всего то, что целью текущего ремо-онта было выстроить специальный круглый за-ал для картины Плута. Идея художника заключалась в том, чтобы изображение по-олностью окружало зрителя. Чтобы он чу-увствовал себя в центре событий. Прямо в Ку-умской долине! Мастер называл это паноскопическим искусством. Говори-ите что угодно про злободневный интерес, но лишние посетители помогли-и бы осуществить демонстрацию великой картины в тако-ом виде, как, по нашему мнению, мечта-ал сам художник. И теперь такое несчастье!

– Если вы все равно собирались перенести картину, то почему же не сняли ее и не убрали в безопасное место, сэр?

– То есть почему мы ее не скатали? – в ужасе уточнил сэр Рейнольд. – Это нанесло бы шедевру страшный вред! О, ужас, ужас, ужас! Не-ет, на следующей неделе у нас было запланировано осторожное перенесение картины, с величайшей аккуратностью... – Он содрогнулся. – Как только подумую, что кто-то просто вырезал ее из рамы, мне становится дурно...

– Эй, а вот, похоже, и улика, сержант, – сказал Шнобби, который вернулся к привычному занятию – слоняться вокруг и тыкать во все подряд, чтобы проверить, не ценная ли вещь. – Гляньте-ка, кто-то свалил здесь целую кучу вонючего старого барахла.

Он подошел к постаменту, который действительно был завален какими-то тряпками.

– Пожалуйста, не трогайте! – воскликнул сэр Рейнольд, бросаясь к стражнику. – Это же «Не говори мне о понедельниках»! Самая противоречивая работа Даниэлларины Паутер! Вы ведь ничего не сдвинули с места? – нервно добавил он. – Вещь буква-ально бесценная, и у Паутер вдобавок острый язычок.

– Это всего лишь груда старого тряпья, – буркнул Шнобби, отходя.

– Искусство – нечто большее, чем сумма материальных компонентов, капрал, – сказал куратор. – Не скажете же вы, что картина Каравати «Три огромных розовых женщины и кусок шифона» – «всего лишь старая краска»?

– А здесь тогда что? – поинтересовался Шнобби, указывая на соседний постамент. – По-моему, просто столб с гвоздем! Тоже искусство?

– Это называется «Свобода»! На аукционе она принесет не меньше тридцати тысяч долларов!

– За кусок дерева с гвоздем? – уточнил Фред Колон. – И кто это придумал?

– Я очень рад, что вы задали этот вопрос, сэр, – сказал, не покривив душой, Фред Колон. – Я заметил, что сверху картину вырезали по всей длине почти вплотную к раме. – Он показал пальцем. – Тролль, разумеется, с легкостью дотянется туда с ножом и вырежет картину вдоль самого края сверху и еще немного по краям. Видите? Но среднестатистический тролль не станет низко нагибаться, поэтому, когда пришлось резать внизу, он напортачил и оставил кучу клочков. И потом, только тролль смог бы ее унести. Ковер с лестницы – и то здоровая штука, ну а скатанная в трубку картина наверняка еще тяжелее.

Он просиял.

– Отличная работа, сержант, – сказал куратор.

– Соображаешь, Фред, – заметил Шнобби.

– Спасибо, капрал, – великодушно отозвался Фред Колон.

– Ну, или это были два гнома со стремянкой, – бодро продолжал Шнобби. – Рабочие оставили несколько стремянок. Гляди, они даже тут стоят.

Фред Колон вздохнул.

– Знаешь, Шнобби, почему я сержант, а ты нет? Из-за таких вот слов, сказанных в присутствии частных лиц. Будь это гномы, разумеется, они бы вырезали картину аккуратно со всех сторон. Музей запирается на ночь, мистер сэр Рейнольд?

– Конечно! Не только на замок, но и на засов. Старый Джон крайне аккуратен. Сам он живет на чердаке, так что на ночь музей превращается в настоящую крепость.

– Он, должно быть, смотритель? – уточнил Фред. – Надо будет с ним поговорить.

– Разумеется, – нервно ответил сэр Рейнольд. – Кстати, я думаю, что у нас на складе должны быть материалы, посвященные этой картине. Я сейчас... э... схожу и... э... поищу...

Он заспешил к маленькой дверце.

- Интересно, как воры ее вынесли? - спросил Шнобби, когда они остались одни.

- А кто сказал, что вынесли? - ответил Фред Колон. - Большое помещение, где полно чердаков, погребов и потайных уголков... почему бы просто не спрятать картину подальше и не подождать? В один прекрасный день заходишь под видом посетителя, прячешься под чехол, ночью снимаешь картину и суешь куда-нибудь, а на следующий день выходишь вместе с остальными. Все просто! - он широко улыбнулся. - Главное, капрал, - мыслить как преступник.

- Ну, или можно просто выбить дверь и убраться вместе с картиной посреди ночи, - сказал Шнобби. - Зачем возиться с мудреным планом, если сойдет и простой?

Фред вздохнул.

- Я предчувствую, что дело будет запутанное, Шнобби.

- Тогда спроси у Ваймси, можно ли нам им заняться, - сказал Шнобби. - То есть мы ведь уже знаем факты.

В воздухе витали невысказанные слова: «Где бы вы предпочли провести следующие несколько дней? На улицах, где, с вероятностью, будут мелькать топоры и дубины, или здесь, за тщательным, очень тщательным обыском чердаков и подвалов? Подумайте хорошенько. Ведь это не будет трусостью, не так ли? Потому что любая знаменитая картина - часть национального достояния, правильно? Пусть даже на ней нарисована всего лишь толпа гномов и троллей, устроивших потасовку».

- Я составлю подобающий рапорт и попрошу мистера Ваймса поручить это дело нам, - медленно сказал Фред Колон. - Оно требует внимания опытных стражников. Ты хорошо разбираешься в искусстве, Шнобби?

- Если надо, сержант.

- Да ладно!

– А что? Беллочка говорит, что ее работа – тоже искусство, сержант. И одежды на ней побольше, чем на иных женщинах, которые тут нарисованы. Так что незачем задирать нос.

– Да, но... – Фред Колон помедлил. В глубине души он понимал, что, когда тебя рисуют лежащим на постели, причем на тебе нет ничего, кроме грозди винограда и улыбки, – это настоящее, подлинное искусство, а когда ты вертишься вниз головой на шесте, в костюме, которым при случае можно воспользоваться как зубной нитью, – нет. Но обозначить разницу Колон не мог.

– У Беллочки нет амфоры, – наконец сказал он.

– Чего-чего нет?

– Обнаженная женщина – это искусство, только если где-нибудь рядом стоит амфора, – сообщил Фред Колон. Даже ему объяснение показалось неубедительным, поэтому он добавил: – Ну, или постамент. Лучше всего, конечно, то и другое. Так сказать, тайный знак, который гласит: это искусство, ребята, смотрите спокойно.

– А пальма в горшке?

– Тоже сойдет. Но лучше в амфоре.

– А если нет ни амфоры, ни постамента, ни пальмы в горшке? – настаивал Шнобби.

– У тебя что-то на уме, капрал? – подозрительно спросил Колон.

– Да. «Богиня Анойя, восстающая из серванта»[З - Анойя – анк-морпорская богиня вещей, которые застревают в ящиках.], – сказал Шнобби. – Вон она висит. Ее нарисовал какой-то тип, у которого три буквы «и» в фамилии. По-моему, вот это искусство так искусство.

– Количество «и» очень важно, Шнобби, – серьезно заявил сержант Колон, – но в таких ситуациях надлежит спрашивать себя: а где тут херувим? Если на картине есть толстозадый розовый мальчишка, который держит зеркало, или веер, или

что-нибудь такое, то все нормально. Даже если он при этом ухмыляется. Нельзя же, в конце концов, везде рисовать амфоры.

- Да-а, но, предположим... - начал Шнобби.

Дальняя дверь отворилась, и сэр Рейнольд заспешил к ним по мраморному полу с книгой под мышкой.

- Боюсь, репродукции картины нет, - сказал он. - Копию, которая по-олностью отражала бы оригинал, слишком трудно сделать. Но в этом сенсационном труде, по крайней мере, множество подробных набросков. В наши дни, конечно, почти у каждого посетителя есть копия. Вы знаете, что на картине можно различить более двух тысяч четырехсот девяноста отдельных гномов и троллей - по типу оружия и меткам на теле? Плут, бедолага, сошел с ума за работой. У него ушло шестнадцать лет, чтобы закончить картину!

- Это еще ничего, - бодро ответил Шнобби. - Фред еще не закончил красить свою кухню, а ведь он начал двадцать лет назад!

- Спасибо, Шнобби, - холодно отозвался Колон, беря у куратора книгу. Она называлась «Энциклопедия «Кумской битвы».

- В смысле - сошел с ума? - спросил он.

- Он пренебрегал всей остальной работой. То и дело менял место жительства, потому что не мог заплатить, и вынужден был таскать огромный холст с собой. Только вообразите! Ему приходилось выпрашивать краски на улице, и на это уходило много времени, потому что не у каждого встречного с собой тюбик со жженой умброй. Плут утверждал, что картина с ним разговаривает. Здесь обо всем этом написано, хотя, боюсь, слишком драматизировано.

- Картина с ним разговаривала?!

Сэр Рейнольд поморщился.

- Да, именно так он утверждал. Никто не знает, как было на самом деле. У Методии Плута не было друзей. Он считал, что превратится в цыпленка, если

заснет ночью. Он повсюду оставлял записочки, которые гласили: «Ты не цыпленок», хотя порой не доверял самому себе. Считается, что он настолько сосредоточился на картине, что заработал нечто вроде воспаления мозга. Ближе к концу работы он был уве-ерен, что лишается рассудка. Он говорил, что слышит звуки битвы.

– А вы откуда знаете, сэр? – спросил Фред Колон. – Вы же сказали, у него не было друзей.

– Ох уж этот острый ум полисмена! – с улыбкой воскликнул сэр Рейнольд. – Он писал записки самому себе, сержант. Постоянно. Когда-а его последняя хозяйка вошла в комнату, то нашла сотни бумажек, засунутых в старые мешки для цыплячьего корма. К счастью, она не умела читать. Поскольку она пола-агала, что ее жилец – некоторым образом гений, а следовательно, у него может быть что-то, что она сумеет продать, хозяйка позвала соседку, некую мисс Аделину Радда, ко-оторая писала акварели. Мисс Радда позвала своего знакомого, ко-оторый изготавливал рамы для картин, а тот поспешно вызвал Эфраима Даустера, знаменитого пейзажиста. Ученые до сих пор бьются над записками Плута и пытаются проникнуть в тайны этого несчастного ума. Записки расположены не в хронологическом порядке. Некоторые из них очень... странные.

– Еще хуже, чем «Ты не цыпленок»? – спросил Фред.

– О да, – сказал сэр Рейнольд. – Плут писал о голосах, предзнаменованиях, призраках... Еще он вел дневник на разрозненных клочках бумаги и никогда не ставил дату и не оста-авлял никаких намеков на то, где он жи-ил, чтобы его не нашел цыпленок. Он пользовался массой иносказаний, потому что не хо-отел, чтобы цыпленок понял...

– Простите, я думал, вы сказали, что это он считал себя цып... – начал Колон.

– Кто способен постичь мыслительные процессы человека, чей разум столь прискорбным образом поколеблен? – устало произнес сэр Рейнольд.

– Э... а картина правда говорит? – спросил Шнобби Шнобс. – Оно, конечно, бывало и не такое...

– К сожалению, нет, – ответил сэр Рейнольд. – По крайней мере, не в наше время. С тех пор как книга была переиздана, в часы работы музея в зале всегда стоит охранник. Он утверждает, что картина не произнесла ни единого слова. Разумеется, она всегда привлекала внимание. Издавна ходят истории о том, что на ней указан путь к сокровищам. Вот почему, в частности, книжку переиздали. Люди любят та-айны, не правда ли?

– Только не мы, – сказал Фред Колон.

– Кстати, я слышал про эту книжку, – сказал Шнобби, листая «Энциклопедию». – Мой приятель Дэйв, который держит магазинчик марок, говорит, что есть, типа, история про гнома, который появился в каком-то городе вблизи Кумской долины спустя две недели после битвы, и он был ранен, потому как тролли на них напали из засады, и умирал от голода, ну и вот, типа, никто там толком не знал по-гномьи, а он хотел их куда-то отвести и твердил все время одно и то же слово, и оказалось, что оно по-гномьи значит «сокровище», ну и вот, когда люди пошли с ним обратно в долину, он умер по пути, и они ничего не нашли, а потом этот художник наткнулся в долине на что-то такое и указал на картине место, только эта штука свела его с ума, потому что она вроде как была заколдованная. Дэйв сказал, правительство всем велело молчать.

– Дэйв всегда так говорит, Шнобби, – сказал сержант.

– И он прав.

– Только сам он почему-то всегда в курсе, и никто ему не велит молчать, – продолжал Фред.

– Да, да, смейся сколько хочешь, сержант, но все-таки происходит много такого, о чем мы и не знаем.

– Что, например? – поинтересовался Колон. – Назови мне хоть одну вещь, о которой ты не знаешь. Что, не можешь?

Сэр Рейнольд кашлянул.

– Разумеется, это одна из те-еорий, – сказал он, тщательно подбирая слова, как всегда делали собеседники, послушав обмен шпильками в исполнении мозгового треста «Колон-Шноббс». – К сожалению, в записках Методии Плути можно найти подтверждение буквально любой те-еории, какой только вздумается. Честно говоря, нынешней популярностью картина обязана тому, что автор книги поддерживает давнюю легенду о некоем секрете, зашифрованном на полотне.

– Да? – Фред Колон наострил уши. – И что за секрет?

– Понятия не имею. Пейзаж изображен во всех подробностях. Может быть, поза одного из участников битвы указывает на тайную пещеру. Теории есть на любой вкус. Разные странные люди, с довольно неприятным, очень целеустремленным выражением лица, приходят сюда с рулетками, но вряд ли они хоть что-нибудь обнаружат.

– Может, один из таких и спер картину? – предположил Шнобби.

– Сомневаюсь. Это довольно замкнутые личности, которые приносят с собой сэндвичи и фляжку и торчат в музее целый день. Они обожают анаграммы и тайные знаки, и у каждого – своя те-еория и уйма прыщей. Вред они причиняют разве что друг другу. И потом, зачем им красть картину? Нам приятно, что ею интересуются. Сомневаюсь, что кто-нибудь из подобных индивидуумов пожелал бы забрать ее домой, поскольку она слишком велика, чтобы поместиться под кроватью. Знаете, Плут писал, что иногда ночью слышал крики. Предположительно, шум битвы. Очень, очень печально...

– Таковую картину точно не захочешь вешать над камином, – согласился Фред Колон.

– Вот именно, сержант. Даже е-если у кого-нибудь найдется камин длиной в пятьдесят футов.

– Спасибо, сэр. А, еще кое-что. Сколько в музее входов?

– Три, – подумав, ответил сэр Рейнольд. – Но два всегда закрыты.

- Но если бы тролль...

- Или гномы, - подсказал Шнобби.

- ...или, как указывает мой младший коллега, если бы гномы попытались вынести картину...

- Горгульи, - с гордостью сказал сэр Рейнольд. - Две горгульи постоянно наблюдают за главным входом, сидя на крыше до-ома напротив, и еще по одной охраняют боковые двери. А днем здесь везде сотрудники, разумеется.

- Может, вам это покажется глупым вопросом, сэр, но вы везде поискали?

- Персонал искал все утро, сержант. Сверток должен быть очень большим и тяжелым. В музее полно скрытых закоулков, но картину непременно заметили бы.

Колон отсалютовал.

- Спасибо, сэр. Мы тут немножко оглядимся, если вы не против.

- Ага... поищем амфоры, - добавил Шнобби Шноббс.

Ваймс поудобнее устроился в кресле и посмотрел на проклятого вампира.

Салли выглядела лет на шестнадцать - с трудом верилось, что она не намного младше Ваймса. У нее были короткие волосы (раньше Ваймс у вампиров такого не видел); она походила если не на мальчика, то, во всяком случае, на девушку, которая не прочь сойти за мальчика.

- Прошу прощения за это... замечание, - сказал он. - Неделя выдалась тяжелая, и с каждым часом легче не становится.

- Не надо так пугаться, - произнесла Салли. - Если угодно, происходящее нравится мне ничуть не больше, чем вам.

– Я и не пугаюсь, – отрезал Ваймс.

– Извините, мистер Ваймс. Но от вас пахнет страхом. Не слишком сильно, – добавила Салли. – Так, чуть-чуть. И ваше сердце забилося быстрее. Прошу прощения, если обидела. Я просто хотела, чтоб вы успокоились.

Ваймс откинулся на спинку стула.

– Лучше не пытайтесь меня успокоить, мисс фон Хампеддинг, – сказал он. – Когда кто-то это делает, я начинаю нервничать. Покой, видимо, мне просто не завезли. И попрошу не обсуждать мои запахи. Кстати, я – командор Ваймс либо – сэр. Но не «мистер Ваймс».

– А я предпочитаю, чтобы меня называли Салли, – сказала вампирша.

Они посмотрели друг на друга, в равной мере сознавая, что дело не клеится, и сомневаясь, что ситуацию можно как-то исправить.

– Итак... Салли... вы хотите стать копом? – начал Ваймс.

– То есть стражником? Да.

– В вашем роду были стражники?

Стандартный первый вопрос. Всегда полезно узнать, не впитал ли новобранец, так сказать, с молоком матери каких-нибудь представлений об обязанностях стражника.

– Нет, только кровопийцы, – ответила Салли.

Вновь последовала пауза.

Ваймс вздохнул.

– Слушайте, я хочу знать ровно одну вещь, – сказал он. – Вас уломали Джон Никакой-Не-Вампир Смит и Дорин Подмиггинс?

– Нет, – возразила Салли. – Я сама к ним обратилась. Между прочим, я тоже не думала, что будет столько шуму.

Ваймс удивился.

– Вы подали заявление в Стражу!

– Да, но я не понимаю, почему ко мне... такой интерес.

– Я тут ни при чем. Это все ваша Лига воздержания.

– Правда? Но это вашего патриция Ветинари цитируют газеты, – отрезала Салли. – Якобы в славные традиции городской Стражи входит дискриминация по видовому признаку.

– Ха! Да, да, на мой взгляд, все стражники равны, но славные традиции Стражи, мисс фон Хампеддинг, преимущественно заключаются в том, чтобы укрываться от дождя, кланчить дармовое пиво с черного хода и вести двойную бухгалтерию!

– То есть вы меня не примете? – уточнила Салли. – А я думала, вы не отказываетесь от кандидатов. Послушайте, я, вероятно, сильнее любого из ваших стражников, исключая троллей, я неглупа, готова работать как вол, и у меня идеальное ночное зрение. Я могу быть полезна. Я хочу быть полезна.

– А вы умеете превращаться в летучую мышь?

Салли, казалось, была шокирована.

– Что? Ну и вопрос.

– Не исключено, что наименее сложный, – сказал Ваймс. – И потом, это уж точно может оказаться полезным. Так умеете или нет?

– Нет.

– Ладно, проехали...

– Я умею превращаться в стаю летучих мышей, – продолжала Салли. – В одну-единственную мышь – слишком трудно, потому что резко меняется масса тела, и, кстати, все равно не получится, если ты воздерживаешься. Лично у меня от этого болит голова.

– Каково было ваше последнее место работы?

– Я нигде не работала. Я занималась музыкой.

Ваймс просветлел.

– Правда? У наших ребят была идея устроить сводный оркестр...

– Кто-нибудь здесь играет на виолончели?

– Боюсь, что нет.

Ваймс побарабанил пальцами по столу. В любом случае она еще не схватила его за горло, не правда ли? В том-то, конечно, и проблема. Вампиры просто душики... до той самой секунды, когда они внезапно перестают ими быть. Но, по правде говоря, сейчас Ваймс вынужден был признать: ему недоставало стражников, способных твердо держаться на ногах и договаривать фразы до конца. Проклятая усталость брала свое. Он постоянно держал патрули на улицах, просто чтобы приглушать кипение. Пока, конечно, обходилось случайными потасовками, камнями, разбитыми окнами и беготней, но снежный ком рос и рос, уподобляясь лавине на склоне. В такое время горожанам необходимо видеть стражников. Стража создает иллюзию того, что мир не сошел с ума.

А Лига всячески поддерживала своих адептов. В их общих интересах было, чтобы никто из обладателей Черной ленточки не очнулся в незнакомой спальне с неприятным чувством сытости. Они будут присматривать за Салли...

– В Страже нет места для случайных визитеров, – сказал Ваймс. – Сейчас мы слишком заняты, чтобы обеспечить вам нечто большее, нежели так называемая практика на рабочем месте, ха-ха. Вы с первого же дня окажетесь на улице. Э... а как у вас обстоят дела с дневным светом?

– Ничего страшного, если на мне одежда с длинными рукавами и шляпа с широкими полями. В любом случае я ношу с собой набор.

Ваймс кивнул. Набор включал совочек, щетку, пузырек с кровью и карточку с надписью:

«Помогите, я рассыпался прахом и не могу восстать. Пожалуйста, соберите меня в кучку и разбейте пузырек. Я ношу Черную ленточку и не причиню вам вреда. Заранее благодарю».

Командор снова побарабанил пальцами по столу. Салли смотрела на него.

– Ладно, вы приняты, – наконец сказал Ваймс. – Для начала – на испытательный срок. Так уж положено. С документами разберитесь внизу с сержантом Задранец, за снаряжением и напутственным словом обратитесь к сержанту Детриту, только постарайтесь не смеяться. А теперь, когда вы добились чего хотели и мы уже разговариваем неофициально... объясните мне зачем.

– Простите?

– Вампир хочет стать стражником? – Ваймс откинулся на спинку кресла. – Честное слово, не понимаю... Салли.

– Это интересная работа на свежем воздухе, которая позволяет служить обществу, командор Ваймс.

– Хм... Если вы способны сказать это без улыбки, возможно, из вас все-таки получится стражник. Добро пожаловать в Стражу, младший констебль. Надеюсь, вы...

Дверь хлопнула. Капитан Моркоу зашел в кабинет, увидел Салли и замялся.

– Младший констебль фон Хампеддинг только что вступила в Стражу, капитан, – объяснил Ваймс.

– Э... прекрасно... добрый день, мисс, – быстро сказал Моркоу и обернулся к Ваймсу. – Сэр, Бедролома убили.

Анк-морпорские «лучшие из лучших» неторопливо шагали в сторону Ярда.

– Что бы лично я сделал, – сказал Шнобби, – так это разрезал картину на маленькие кусочки, по несколько дюймов в длину.

– Нет, Шнобби. Так избавляются от краденых бриллиантов.

– Допустим. А как тебе такой вариант? Режешь эту махину на куски, размером примерно с обычную картину. Так? Потом на другой стороне каждого куска что-нибудь рисуешь, вставляешь в раму и оставляешь в музее. Несколько лишних картин в таком огромном месте никто даже не заметит. А потом можно прийти и забрать, когда шум уляжется.

– И как ты их вынесешь, Шнобби?

– Ну, сначала надо раздобыть клей и длинную-длинную палку...

Фред Колон покачал головой.

– Представить себе не могу, Шнобби.

– Ладно, тогда берешь краску того же цвета, что и стены, приклеиваешь картину к стене, где есть свободное место, а потом красишь сверху, чтоб оно выглядело как стена...

– Ты где-нибудь там видел подходящий кусок стены, а?

– Может, под рамой, которая осталась там висеть, сержант?

– Черт возьми, Шнобби, а вот это умно, – сказал Фред, резко останавливаясь.

– Спасибо, сержант. От тебя особенно приятно слышать.

- Но все-таки картину еще нужно вынести, Шнобби.

- Видал чехлы, сержант? Ей-богу, через пару недель оттуда спокойно выйдут несколько рабочих в комбинезонах, с большим белым свертком под мышкой, и никто ничего не заподозрит, потому что все будут думать, что картину сперли уже давным-давно.

Несколько секунд висела тишина, а затем сержант Колон приглушенно сказал:

- У тебя прямо-таки опасный ум, Шнобби. Очень опасный. А как же смыть с картины свежую краску?

- Да запросто, - ответил Шнобби. - И я знаю, где раздобыть фартуки, как у маляров...

- Шнобби! - в шоке воскликнул Фред.

- Ладно, ладно, сержант. Уж и помечтать нельзя.

- Мы получим премию, Шнобби. И уж мы ею распорядимся...

- Снова как в воду глядишь, сержант?

- Смейся, Шнобби, если угодно, но лучше посмотри по сторонам, - мрачно ответил Фред. - Сейчас всего-навсего дерутся шайки, но будет хуже, помяни мое слово. Ох уж мне эти свары из-за того, что стряслось тысячу лет назад! Не знаю, почему гномы и тролли не уберутся туда, откуда взялись, раз уж им не терпится!

- Потому что большинство родились здесь, - заметил Шнобби.

Фред презрительным смешком отмел географический фактор.

- Война, Шнобби... хэх!.. Зачем она вообще нужна?

- Не знаю, сержант. Чтобы освободить рабов?

- Чепу... хм. Ну, допустим.

- Чтобы защититься от тирана-агрессора?

- Хорошо, допустим, но...

- Спасти цивилизацию от орд...

- В перспективе все равно никакого толку, вот что я тебе скажу, Шнобби, если ты замолкнешь на пять секунд, - перебил Фред Колон.

- Да-а, но в перспективе хоть от чего-то есть толк?

- Повтори еще раз, взвешивая каждое слово, пожалуйста, - попросил Ваймс.

- Он мертв, сэр. Бедролом мертв. Гномы в этом уверены.

Ваймс уставился на капитана. Потом на Салли. И сказал:

- Я отдал приказ, младший констебль Хампеддинг. Ступай и займись делом.

Когда девушка поспешно вышла, он сказал:

- Надеюсь, ты тоже уверен, капитан...

- Новость распространяется среди гномов, как... как... - начал Моркоу.

- Спиртное? - подсказал Ваймс.

- В общем, очень быстро. Говорят, он погиб вчера ночью. В дом Бедролома на Паточной улице забрался тролль и забил его насмерть. Я слышал, как наши гномы об этом говорили.

– Моркоу, но если это правда, разве мы не знали бы? – поинтересовался Ваймс, и перед его мысленным взором предстали Ангва и Фред Колон со своими пророческими предупреждениями. «Гномам что-то известно. Гномы встревожились».

– А разве мы не знаем, сэр? – спросил Моркоу. – Я ведь только что вам рассказал.

– Я имею в виду – почему об этом не кричат на улицах? Почему не твердят о заказном политическом убийстве, о подлом преступлении? Кто тебе сказал?

– Констебль Сталькрутссон и капрал Кольцедел. Надежные ребята. Кольцедела скоро повысят до сержанта. Э... и еще кое-что, сэр. Я спросил у них, почему мы не получили официального извещения, и Сталькрутссон сказал... вам не понравится, сэр... он сказал, что городским гномам запретили обращаться к Страже.

Моркоу внимательно наблюдал за Ваймсом. Трудно было заметить смену выражения на лице командора, но отдельные крошечные мускулы вдруг напряглись.

– Кто распорядился? – поинтересовался Ваймс.

– Насколько я знаю, гном по имени Пламен. Это... можно сказать, переводчик Бедролома. Он говорит, гномы сами разберутся.

– Но мы в Анк-Морпорке, капитан. И убийство есть убийство.

– Да, сэр.

– А мы – городская Стража, – продолжал Ваймс. – Так даже у нас на двери написано.

– Честно говоря, сейчас там написано «Копы при дурки», но я кого-нибудь пошлю оттереть, – сказал Моркоу. – А я...

– И если кого-нибудь убивают, отвечаем мы, – продолжал Ваймс.

– Я понимаю, сэр, – осторожно отозвался Моркоу.

– Ветинари знает?

– По-моему, он не может не знать.

– По-моему, тоже... – Ваймс ненадолго задумался. – А как насчет «Таймс»? Там работает уйма гномов.

– Я бы удивился, если бы они вдруг проболтались людям, сэр. Я сам узнал только потому, что я гном, ну и потому, что Кольцедел очень хочет получить повышение. Если честно, я случайно услышал разговор. Поэтому сомневаюсь, чтобы гномы-печатники стали делиться с редактором.

– Ты хочешь сказать, капитан, что даже гномы-стражники держат убийство в секрете?

Моркоу явно пришел в ужас.

– Нет, сэр!

– Тогда...

– Они просто не рассказывают об этом людям. Простите, сэр.

«Главное – не орать, – внушал себе Ваймс. – Не лезть, что называется, в бутылку. Рассматривай случившееся как учебное упражнение. Выясни, почему мир не таков, как ты думал. Собери факты, усвой информацию, обдумай выводы. А потом уже лезь в бутылку. Но прицельно».

– Гномы всегда были законопослушными гражданами, капитан, – сказал он. – Они даже платят налоги. И вдруг они решили не сообщать об убийстве?

Моркоу увидел стальной блеск в глазах Ваймса.

– На самом деле... – начал он.

– Что?

– Бедролом – глубинный гном, сэ. Настоящий. Он терпеть не может подниматься на поверхность. Говорят, он живет гораздо ниже подвального уровня...

– Я в курсе. Дальше.

– Как глубоко простираются наши полномочия, сэ? – спросил Моркоу.

– Что? Так глубоко, как надо!

– Э... то есть буквально всюду, сэ? Большинство городских гномов родом из Медянки, Лламедоса и Убервальда, – сказал Моркоу. – Там есть законы поверхности – и законы подземья. Конечно, здесь все по-другому... но так они смотрят на мир. И, разумеется, друзья Бедролома – тоже глубинные, а вы же знаете, как обычные гномы к ним относятся.

«Да, они, черт возьми, обожествляют их, – подумал Ваймс, пощипывая себя за переносицу и закрывая глаза. – Кажется, хуже некуда...»

– Допустим, – сказал он. – Но мы в Анк-Морпорке, и у нас свои законы. Что плохого, если мы просто справимся о здоровье уважаемого Бедролома? Мы имеем право постучать в дверь, ведь так? У Стражи есть веские причины нанести визит. Конечно, это только слухи, но если им поверят слишком многие, мы уже не сможем удержать толпу...

– Отличная идея, сэ.

– Ступай и скажи Ангве, что она пойдет со мной. И... Хэддок. И, например, Кольцедел. Ты, разумеется, тоже.

– Э... боюсь, это не очень хорошая идея, сэ. Я знаю, что большинство глубинных гномов меня недолюбливают. Они полагают, что я слишком человек для того, чтобы быть гномом.

– Правда?

«Рост шесть футов три дюйма, – подумал Ваймс. – Усыновлен и воспитан гномами в маленькой горной шахте. Гномье имя Моркоу – Кзадбхат, что означает «Головостук»...»

Он кашлянул.

– Интересно, и с чего бы это?

– Да, да, я знаю, что я... теоретически человек, сэр, но для гномов рост никогда не был главным критерием. Тем не менее Бедролом и его друзья меня не любят.

– Очень жаль это слышать. Тогда я возьму с собой Шелли.

– Вы с ума сошли, сэр? Вы же знаете, как они относятся к гномам, которые открыто признают свой пол!

– Ладно, ладно, значит, пойдет сержант Детрит. В него-то они поверят?

– Возможно, это сочтут провокацией, сэр... – с сомнением начал Моркоу.

– Детрит – анк-морпорский стражник, капитан, точь-в-точь как ты и я! – перебил Ваймс. – Надеюсь, я-то вполне приемлем?

– Да, сэр, конечно. Хотя они наверняка встревожатся.

– Да? – Ваймс задумался. – Ну и хорошо. Детрит – слуга закона. У нас, знаешь ли, тут еще остались законы. И, насколько мне известно, их действие распространяется очень далеко... и глубоко. До самого низа.

«Ну и чертову глупость я сморозил», – подумал Ваймс через пять минут, шагая по улицам во главе маленького отряда. Он сам себя клял за свои слова.

Стража выживала благодаря хитрости. Именно так, и никак иначе. Ты строишь полицейское управление, вешаешь большие синие фонари, ставишь на виду в общественных местах здоровяков-констеблей и ходишь по городу, словно он

принадлежит тебе. Но он тебе не принадлежит. Это все – дымовая завеса. Ты хитрость внедряешь в каждую голову этакого маленького стражника и полагаешься на то, что люди уступят, что они знают правила. На самом деле сотне хорошо вооруженных бойцов ничего не стоит стереть Стражу с лица земли, если знать, как правильно взяться за дело. Однажды какой-нибудь безумец поймет, что захваченный врасплох стражник умирает как самый обыкновенный человек – и тогда чары рухнут...

Гномы Бедролома не верят в городскую Стражу? Это чревато. Возможно, привести с собой тролля – и впрямь провокация, но Детрит – гражданин Анк-Морпорка, черт побери, как и все остальные. Если...

– Динь-дилинь-динь!

Ах да. Неважно, насколько плохи дела, – всегда есть шанс, что станет еще хуже.

Ваймс вытащил из кармана красивую коричневую коробочку и открыл крышку. Остроухая мордочка маленького зеленого бесенка уставилась на него с тоскливой, безнадежной улыбкой, которую, в ее различных вариациях, он уже привык побаиваться.

– Доброе утро, Введи-Свое-Имя. Тебя приветствует бес-органайзер «Груша™» пятой модели. Чем могу... – начал бесенок очень быстро, в попытке сказать как можно больше, прежде чем его неизбежно перебьют.

– Ей-богу, я ведь тебя выключил, – сказал Ваймс.

– Ты грозил мне молотком, – с упреком произнес бесенок. Он со стуком задвигал крохотными рычажками и вдруг завопил: – Эй, слушайте, слушайте! Он угрожает молотком новейшему произведению науки и техники! Он даже не заполнил регистрационную карточку! Поэтому я зову его «Введи-Свое...»...

– А я думала, вы избавились от этой штуки, сэр, – сказала Ангва, когда Ваймс захлопнул крышку. – Я думала, она... случайно сломалась.

– Х-ха!.. – приглушенно донеслось из-под крышки.

– Сибилла каждый раз покупает новый, – поморщившись, ответил Ваймс. – Притом усовершенствованной модели. Но на сей раз я его точно выключил!

Крышка снова отскочила.

– Я просыпаюсь, когда нужно о чем-нибудь напомнить! – провизжал бесенок. – Десять сорок пять, «позировать для проклятого портрета»!!!

Ваймс застонал. Сэр Джошуа и портрет. Ему грозили неприятности. Он уже пропустил два сеанса. Но убийство гнома... это же очень важно.

– Я не смогу, – пробормотал он.

– Не хочешь ли воспользоваться удобной встроенной функцией передачи сообщений?

– А что она дает? – с сильнейшим подозрением спросил Ваймс. Бес-органайзеры, которые покупала Сибилла, один за другим с успехом устраняли проблемы, которые проистекали исключительно от пользования ими.

– Э... короче говоря, я очень быстро сбегая с сообщением в ближайшую клик-башню, – с надеждой сказал бесенок.

– И вернешься? – с не меньшей надеждой спросил Ваймс.

– Разумеется!

– Нет, спасибо.

– Тогда, может быть, сыграешь в «Сплонг™»? Игра, специально разработанная для пятой модели, – взмолился бесенок. – Биты у меня прямо здесь. Нет? А как насчет суперпопулярной игры «Угадай, сколько ты весишь в свиньях»? Ну, или я могу насвистеть твой любимый мотивчик. Встроенная функция дает возможность запомнить полторы тысячи самых...

– Научитесь наконец им пользоваться, сэр, – предложила Ангва, когда Ваймс вновь захлопнул крышку, заглушив протестующий голосок.

– Одним я уже попользовался, – ответил Ваймс.

– Да, подложили под дверь, – пробурчал за спиной Детрит.

– Я просто не люблю технику! Все, конец дискуссии. Хэддок, сгоняй на Луннопрудную улицу. Передай мои извинения леди Сибилле, которая сидит в студии сэра Джошуа, и скажи, что мне очень жаль, но у нас тут дела, которые требуют максимального внимания.

«И это правда, – подумал Ваймс, когда отряд двинулся дальше. – Возможно, они требуют даже больше внимания, чем я в состоянии им уделить. Ну и плевать. Непременно что-то будет, раз уж требуется так осторожничать лишь для того, чтобы выяснить, было ли убийство».

Паточная улица принадлежала к числу тех мест, которые обычно колонизировали гномы – она граничила с наименее приятными частями города, но все-таки не относилась к ним. Пришелец немедленно замечал приметы гномьего быта: многочисленные окошки свидетельствовали о том, что двухэтажный дом превратили в трехэтажный без наращивания его в высоту, множество маленьких пони были запряжены в крошечные тележки, и, разумеется, уйма человечков-малоросликов с бородами и в шлемах, что также наводило на мысль.

Гномы всегда копают. Это... гномий образ жизни. Здесь, подальше от реки, они добивались до подвального уровня, не рискуя оказаться по шею в воде.

Тем утром они толпились повсюду. Они не то чтобы злились (насколько мог распознать Ваймс, поскольку открытая взгляду область между бровями и усами занимала всего несколько дюймов). Но он не привык видеть гномов просто стоящими на улице. Обычно они занимались тем, что работали не покладая рук. Нет, они не злились... но беспокоились. Чтобы это понять, не нужно было видеть лиц. Гномы в целом недолюбливали газеты, относясь к газетным новостям точно так же, как любитель сочного винограда относится к изюму. Новости они получали от сородичей – горячие, свежие, полные индивидуальных черточек и, несомненно, обрастающие в пересказе все новыми и новыми подробностями.

Толпа на Паточной улице неуверенно ожидала слухов о предстоящем мятеже.

Но все-таки она расступилась, чтобы пропустить Стражу. Присутствие Детрита вызвало прилив бормотаний, но тролль рассудительно предпочел пропустить их мимо ушей.

– Чувствуете? – спросила Ангва, пока они шли по улице. – Вы чувствуете что-нибудь под ногами?

– У меня не так развиты чувства, как у тебя, сержант, – напомнил Ваймс.

– Под землей что-то непрерывно стучит, – сказала Ангва. – Я ощущаю, как дрожит мостовая. Как будто работает насос.

– Наверное, осушают подвалы, – предположил Ваймс.

«Нешуточное дело. Интересно, как далеко способны прорыться гномы? Анк-Морпорк преимущественно выстроен на Анк-Морпорке. Город стоял всегда».

Если приглядеться повнимательнее, это была не случайная толпа, а очередь, которая вытянулась вдоль одной стороны улицы и медленно двигалась к боковой двери дома. Гномы хотели видеть грагов. «Пожалуйста, произнесите последнее напутствие над моим отцом. Пожалуйста, посоветуйте, продавать ли магазин. Пожалуйста, наставьте меня в моем ремесле. Я далеко от тех мест, где покоятся кости моих предков, пожалуйста, помогите мне остаться гномом...»

В тревожные времена никто не хочет быть д'ркза. Строго говоря, большинство анк-морпорских гномов были д'ркза, что означало примерно – «ненастоящий гном». Они не жили глубоко под землей, не выходили исключительно по ночам, не добывали в шахтах металлы, позволяли дочерям демонстрировать хотя бы некоторые признаки своего пола и в ряде церемоний допускали небольшие небрежности. Но в воздухе витал запах Кумской долины. Неподходящее время, чтобы быть «почти гномом». Поэтому гномы прислушивались к грагам.

Граги наставляли их на путь истинный.

До сих пор Ваймс с этим мирился. До сих пор, впрочем, городские граги не одобряли убийств.

Ваймсу нравились гномы. Из них получались надежные офицеры, и вдобавок гномы по природе отличались законопослушностью, по крайней мере в трезвом виде. Но теперь все они наблюдали за ним. Он буквально ощущал на себе их взгляды.

Разумеется, испокон веков жители Анк-Морпорка охотнее всего торчали на улице, наблюдая за прохожими. Анк-Морпорк был мировым экспортером пронизывающих взглядов. Но сегодняшние взгляды казались Ваймсу не такими, как обычно. Улица стала если не враждебной, то чуждой. И все-таки это была анк-морпоркская улица. Разве Ваймс мог превратиться в чужака в родном городе?

«Может быть, я все-таки зря привел тролля, – подумал он. – Но к чему мы этак придем? «Выбери себе стражника из списка?»»

Двое гномов несли караул возле дома Бедролома. Они были вооружены серьезнее среднестатистического гнома, насколько такое возможно, но главным образом толпу умирляли их черные кожаные пояса. Эти пояса говорили всякому посвященному, что их обладатели служат глубинным гномам, и, следовательно, на них распространяются волшебство и харизма, которыми обладают граги, в отличие от рядового гнома, погрязшего в пороках.

Гномы смотрели на Ваймса как испокон веков смотрит охрана. Этот взгляд говорит примерно следующее: считай, что ты уже труп; между тобой и смертью стоит только мое долготерпение. Но Ваймс не дрогнул. Свидетели ему все пять преисподних, он и сам достаточно часто прибегал к этому приему! Он ответил равнодушным взглядом человека, который попросту не замечает никаких охранников.

– Командор Ваймс, городская Стража, – объявил он, показывая значок. – Мне нужно немедленно видеть грага Бедролома.

– Он никого не принимает, – сказал один из стражников.

– Ага. То есть он мертв? – уточнил Ваймс.

Он почувствовал ответ. Излишним был даже чуть заметный кивок Ангвы. Гномы боялись этого вопроса. Так, что даже вспотели.

К ужасу и изумлению караульных – и отчасти к удивлению самого Ваймса, – он присел на ступеньку между ними и вытащил из кармана пачку дешевых сигарет.

– Вам я не предлагаю, парни, потому что знаю, что на посту курить не разрешается, – добродушно сказал он. – Лично я своим парням не разрешаю. Сейчас я курю исключительно потому, что никто мне не запретит, ха-ха... – Ваймс выпустил струйку синего дыма. – Итак, я, как вам известно, глава городской Стражи. Так?

Гномы, глядя прямо перед собой, чуть заметно кивнули.

– Прекрасно, – сказал Ваймс. – А значит, вы – вы оба – препятствуете мне в исполнении моих обязанностей. О-о, сколько вариантов разом открывается передо мной. В данный момент, например, я подумываю о том, чтобы вызвать констебля Дорфла. Он голем. Поверьте, ему-то никто не воспрепятствует. Вы несколько недель будете выметать щепочки, в которые превратится ваша дверь. И я бы на вашем месте не становился у него на пути. Он будет действовать строго по закону, то есть, если кто-нибудь затеет драку, начнется самое интересное. Я вам это говорю потому только, что сам немало прослужил стражником. Иногда сурового вида достаточно. Но в некоторых случаях – и я полагаю, что сейчас именно такой случай, – самым разумным решением будет сходить внутрь и спросить, что вам делать дальше.

– Мы не можем бросить пост, – сказал один из гномов.

– Не беспокойся, – Ваймс встал. – Я за тебя посторожу.

– Нельзя!

Ваймс нагнулся к уху охранника.

– Я командор Стражи, – прошипел он. Все дружелюбие как рукой сняло. Ваймс указал на булыжники мостовой. – Это моя улица. Я могу стоять где захочу. Ты стоишь на моей улице. Это общественное место. Иными словами, есть с десяток

поводов, по которым я могу арестовать тебя сию же секунду. Да, у меня, несомненно, будут неприятности, но ты в любом случае окажешься в самом эпицентре. И я тебе скажу как стражник стражнику – лучше бери ноги в руки и сбегай доложишь кому-нибудь повыш... в смысле, подальше по служебной лестнице. Ясно?

Увидев встревоженные глаза, смотревшие на него в щелочку между кустистыми бровями и роскошными усами, Ваймс заметил скрытые знаки, которые уже научился распознавать, и добавил:

– Ступайте, мисс.

Гном застучал в дверь. Щеколда отодвинулась, послышался шепот. Дверь открылась, и гном поспешно шмыгнул внутрь. Дверь закрылась. Ваймс развернулся, встал на пороге и вытянулся по стойке смирно чуть эффектнее необходимого.

Кое-где прокатился смех. Жители Анк-Морпорка – даже гномы – всегда не прочь посмотреть, что будет дальше.

Оставшийся стражник прошипел:

– Нам запрещено курить на посту!

– Ох, прости, – сказал Ваймс, вынул сигару и сунул ее за ухо. Вновь послышались смешки. «Пускай посмеются, – сказал себе Ваймс. – По крайней мере, они ничем не швыряются».

Солнце припекало. Толпа не думала расходиться. Сержант Ангва, с подчеркнуто равнодушным видом, смотрела на небо. Детрит перешел в состояние абсолютной, каменной неподвижности, характерной для тролля, которому нечем заняться. Только Кольцедел явно нервничал. «Возможно, – подумал Ваймс, – здесь и сейчас не лучшее время и место для гнома со значком. Но отчего же? В последние несколько недель мы только тем и занимались, что мешали двум толпам идиотов перебить друг друга».

А теперь еще сэр Джошуа. Это будет стоить ему головной боли, признал Ваймс. Сибилла, впрочем, никогда не кричала, когда отчитывала мужа. Она всего лишь говорила печальным тоном, что было намного хуже.

Проклятый семейный портрет представлял огромную проблему. Для него, как оказалось, требовалась масса сеансов, но портреты были традицией в семье Сибиллы, и точка. Поколение за поколением портрет более или менее оставался неизменным – счастливая семья на фоне бесконечных акров пейзажа. Прежде Ваймс не мог похвалиться акрами – разве что больными икрами, – но, женившись на Сибилле Овнец, он заодно стал владельцем Кранделла, огромного красивого загородного поместья. Ваймс его еще даже не видел. Он ничего не имел против сельской местности, если та находилась подальше и не вторгалась в его жизненный уклад, но предпочитал булыжную мостовую под ногами. Ваймса, в общем, не волновало, нарисуют его в обличье сельского землевладельца или нет. До сих пор поводы, позволявшие отсутствовать на бесконечных сеансах, были довольно вескими, но все-таки он едва избегал столкновения...

Время шло. Толпа частично разбрелась. Ваймс не двигался с места – даже когда услышал, как щеколда на мгновение отодвинулась и тут же скользнула обратно. Они надеялись его пересидеть.

– Динь-дилинь-дилинь-динь-динь-дилинь!

Ваймс, не опуская глаз, уставился столь типичным для стражника взглядом, устремленным за тысячу миль в пространство; он вытащил из кармана бес-органайзер и поднес к губам.

– Я помню, что выключил тебя, – прорычал он.

– Я включаюсь, если есть срочное дело, – напомнил бесенок.

– И как тебя заткнуть?

– Необходимая комбинация слов указана в инструкции, Введи-Свое-Имя, – хладнокровно ответил бесенок.

– Где проклятая инструкция?!

– Ты ее выбросил, – сказал бесенок с упреком. – Ты всегда выбрасываешь инструкцию. Поэтому ты неправильно вводишь команды. Поэтому я вчера не пошел и не «сунул голову утке в зад». Через полчаса у тебя назначена встреча с патрицием Ветинари.

– Я занят, – пробормотал Ваймс.

– Хочешь, чтобы я снова тебе напомнил через десять минут?

– Скажи на милость, что конкретно в словах «иди и засунь голову утке в зад» тебе непонятно? – поинтересовался Ваймс и убрал органайзер обратно в карман.

Итак, полчаса. Времени вполне достаточно. Действовать придется решительно, но он видел, как гномы смотрели на Детрита. Слухи – сильнодействующий яд.

Едва он шагнул вперед, намереваясь вызвать констебля Дорфла и решать проблемы, которые неизбежно возникнут вслед за вторжением в дом грага, дверь у него за спиной открылась.

– Командор Ваймс? Войдите.

На пороге стоял гном. Ваймс едва различал его силуэт в темноте. И тут он впервые заметил знак, нарисованный мелом на стене над дверью, – кружок, перечеркнутый горизонтальной линией.

– Со мной пойдет сержант Ангва, – сказал он.

Меловой знак почему-то слегка беспокоил Ваймса. Это было хозяйское клеймо, гораздо более выразительное, чем, например, маленькая табличка с надписью «Монплефир».

– Тролль останется снаружи, – спокойно произнес гном.

– Сержант Детрит будет стоять на страже вместе с констеблем Кольцеделом, – распорядился Ваймс.

Перифраз прошел незамеченным, и командор заподозрил, что возня с железом, похоже, сделала его собеседника железобетонно непроницаемым для иронии. Дверь приоткрылась чуть шире, и Ваймс вошел.

Коридор пустовал, не считая нескольких поставленных друг на друга ящиков. Пахло... чем? Едой. Старым нежилым домом. Запертыми комнатами. Чердаком.

«Весь этот дом – сплошной чердак», – подумал Ваймс. Доносившееся снизу «тук-тук» здесь было особенно ощутимо. Звук напоминал биение сердца.

– Сюда, пожалуйста, – сказал гном, вводя Ваймса и Ангву в боковую комнату. Опять-таки, мебель состояла только из деревянных ящиков. Там и сям валялись источенные работой лопаты.

– Мы нечасто отрываемся от работы. Пожалуйста, проявите терпение, – попросил гном и, пятясь, вышел из комнаты. Ключ щелкнул в замке.

Ваймс сел на ящик.

– Очень вежливо, – заметила Ангва. Ваймс поднес руку к уху и ткнул пальцем, указывая на сырую, покрытую пятнами штукатурку. Ангва кивнула, беззвучно произнесла «труп» и указала вниз.

– Уверена? – спросил Ваймс.

Ангва постучала себя по носу. С чутьем вервольфа не поспоришь.

Ваймс прислонился к ящику побольше – достаточно удобному для человека, который научился спать, привалившись к любой подходящей поверхности.

Штукатурка на противоположной стене была потрескавшаяся, зеленая от сырости, увешанная старой пыльной паутиной. Кто-то, впрочем, так глубоко нацарапал на ней некий знак, что местами она отлетела. Это тоже был кружок, на сей раз с двумя диагональными линиями поперек. В знаке ощущалось некое волнение. Отнюдь не то, чего ожидаешь от гномов.

– Отлично держитесь, сэр, – сказала Ангва. – Вы, конечно, поняли, что это намеренная неучтивость.

– Грубость не противозаконна, сержант. – Ваймс надвинул шлем на глаза и уселся поудобнее.

«Вот мелкие сукины дети! Вздумали валять дурака! Думают меня разозлить, да? Скрыть все от Стражи? В Анк-Морпорке нет запретных территорий. И я уж позабочусь, чтоб они это поняли. О да».

В городе в последнее время становилось все больше и больше глубинных гномов, хотя они редко выходили за пределы гномьих кварталов. В любом случае сами они не показывались на глаза – прохожие видели только пыльные черные носилки, которые тащили через толпу четверо обычных гномов. В занавесах носилок не было отверстий; решительно ничего во внешнем мире не могло заинтересовать глубинного гнома.

Городские гномы относились к ним с благоговением и одновременно с толикой смущения, как к уважаемому, но слегка сдвинутому по фазе родственнику. Потому что в голове у каждого городского гнома звучал тихий голос, который говорил: «Ты должен жить в шахте, ты должен работать в горах, ты должен остерегаться дневного света, ты должен быть настоящим гномом». Иными словами, тебе нельзя работать на красильной фабрике твоего дядюшки на улице Сестричек Долли. Ну а раз ты там все-таки работаешь, то, по крайней мере, попытайся мыслить как настоящий гном. В том числе это значит, что тобой должен руководить граг, самый настоящий гном, который живет в пещере, глубоко под землей, и никогда не видит солнца. Где-то там, в темноте, обитает подлинная гномья суть. Глубинные гномы постигли ее, и они могут направить тебя на путь истинный...

Ваймс не возражал. Гномья премудрость по части здравого смысла не уступала человеческим верованиям, и большинство гномов были образцовыми гражданами, хоть и в масштабе один к трем.

Но счесть убийство – внутрисемейным делом?! Со Стражей такое не пройдет.

Через десять минут дверь отперли, и вошел еще один гном – типичный городской гном, с точки зрения Ваймса. Но в добавление к шлему, кожаной

куртке, кольчуге, боевому топору и рабочей кирке он еще держал шипастую дубину. На нем тоже был черный пояс. Гном казался встревоженным.

– Командор Ваймс! У меня просто нет слов! Прошу прощения за то, как с вами обошлись!

«Да уж».

Вслух Ваймс сказал:

– Кто вы такой?

– Опять-таки прошу прощения. Меня зовут Мудрошлем. Я... скажем так, «дневное лицо» грага Бедролома. Я занимаюсь делами, которые требуют появления на поверхности. Пожалуйста, пройдите в мой кабинет.

Он зарысил прочь, предоставив Ваймсу и Ангве следовать за ним.

Кабинет находился внизу, в каменном подвале. Он выглядел довольно уютно. Мешки и ящики были свалены у одной стены. В пещерах, в конце концов, мало еды; простая жизнь глубинных гномов текла гладко благодаря довольно непростым усилиям множества обитателей поверхности. Мудрошлем мало чем отличался от слуги, для которого главное – удостовериться, что хозяева сыты, хотя, вероятно, он и полагал, что выполняет куда более важные обязанности. За занавеской в углу, скорее всего, пряталась кровать. Гномы не приучены к роскоши.

Стол был завален бумагами. Рядом, на маленьком столике, лежала восьмиугольная игральная доска, уставленная маленькими фигурками. Ваймс вздохнул. Он ненавидел настольные игры. По сравнению с ними реальный мир выглядел таким незатейливым.

– Вы играете, командор? – спросил Мудрошлем с ненасытным выражением подлинного энтузиаста. Ваймс знал таких. Выкажи интерес из вежливости – и застрянешь на весь вечер.

– Патриций Ветинари играет. А я никогда не увлекался, – сказал Ваймс[4 - Ваймсу никогда не давались игры сложнее дартса. Особенно его раздражали шахматы. Ваймса неизменно злило, что одни пешки тупо идут убивать других, в то время как короли прохлаждаются в сторонке и ничего не делают. Если бы только пешки объединились и, например, договорились с ладьями, то на доске за десяток ходов установилась бы республика.]. – Кстати, Мудрошлем – необычная фамилия для гнома. Вы, случайно, не родня Мудрошлемам из Сального проезда?

Он всего лишь намеревался разбить лед добродушной репликой, но с тем же успехом мог непристойно выругаться. Мудрошлем потупился и забормотал:

– Э... да... но для грага... даже для новичка... все гномы – его семья... Это не... честное слово...

Он замолк, и тут у него в мозгу, видимо, что-то щелкнуло. Он бодро поднял глаза.

– Хотите кофе? Сейчас принесу.

Ваймс открыл рот, чтобы отказаться, но не стал. Гномы варят хороший кофе, и из соседней комнаты уже доносился аромат. И потом, тревога, которую излучал Мудрошлем, наводила на мысль, что гном сегодня уже потребил немало кофеина. Если поощрить его выпить еще, хуже не будет. Ваймс внушал подчиненным: люди всегда волнуются в присутствии стражника, который знает свое дело, и тот, у кого нервы не в порядке, наверняка сболтнет лишнее.

Пока гнома не было, Ваймс окинул комнату взглядом и увидел слова «Энциклопедия «Кумской битвы» на корешке книги, наполовину скрытой под бумагами.

Снова проклятая долина, на сей раз в окружении дополнительной тайны. Сибилла тоже купила экземпляр «Энциклопедии», как и большинство читающей публики в городе, и потащила Ваймса смотреть эту злополучную картину в Королевском музее изящных искусств.

Картина с секретом? Да ладно. Каким образом какой-то чокнутый молодой художник сто лет назад узнал тайну битвы, случившейся за тысячу лет до его

рождения? По словам Сибиллы, в «Энциклопедии» говорилось, что Плут нашел на поле боя некий предмет, который оказался зачарованным. Голоса внушили художнику, что он цыпленок, ну или типа того.

Гном принес кофе, немного разлил на стол, потому что руки у него дрожали. Ваймс сказал:

– Я должен видеть грага Бедролома, сэр.

– Прошу прощения, но это невозможно.

Ответ прозвучал ровно и бесстрастно, как будто гном долго тренировался. Но в его глазах что-то мелькнуло, и Ваймс взглянул на забранную решеткой отдушину в стене.

Ангва слегка кашлянула. «Так, – подумал Ваймс. – Нас подслушивают».

– Мистер Мудрошлем, – сказал он, – у меня есть причины полагать, что на территории Анк-Морпорка совершено серьезное преступление. Точнее сказать, под территорией, – добавил он. – Но в любом случае в Анк-Морпорке.

И вновь странное спокойствие выдало Мудрошлема. Взгляд у него был затравленный.

– Очень жаль это слышать. Каким образом я могу вам помочь?

«Так, – подумал Ваймс. – Я, кажется, предупредил, что не играю ни в какие игры».

– Покажите труп, который вы держите внизу, – потребовал он.

И до неприличия обрадовался испугу Мудрошлема.

А теперь пора надавить. Ваймс извлек значок.

– Вот мои полномочия, мистер Мудрошлем. Я обыщу дом. Но предпочел бы сделать это с вашего позволения.

Гном дрожал, от страха или от волнения – а может быть, от того и другого.

– Вы вторгнетесь в наши помещения? Нельзя! Гномьи законы...

– Это Анк-Морпорк, – повторил Ваймс. – Сверху ли, снизу ли. И мой приход сюда – не вторжение. Вы не шутя хотите сказать, что я не вправе обыскать подвал? А ну-ка отведите меня к грагу Бедролему, или кто там у вас главный. Немедленно!

– Я... я отказываюсь выполнить вашу просьбу!

– Это не просьба!

«Вот она, наша Кумская долина в миниатюре, – подумал Ваймс, глядя ему в глаза. – И ни один не отступит. Мы оба думаем, что правы. Но он ошибается!»

Какое-то движение заставило его опустить взгляд. Дрожащий палец Мудрошлема размазывал пролитый кофе, рисуя на столе кружок. Ваймс увидел, как гном провел две линии поперек круга. Командор снова взглянул в глаза Мудрошлема, полные гнева, страха... и чего-то еще...

– А, командор Ваймс, если не ошибаюсь? – В дверях возникла новая фигура.

Перед Ваймсом как будто предстал Ветинари. Тот же спокойный голос, намекающий, что твое присутствие приняли к сведению и что иметь с тобой дело – неизбежная, пусть и неприятная, необходимость. Но этот голос, несомненно, исходил от гнома, хотя его негнувшийся остроконечный черный капюшон достигал высоты среднего человеческого роста.

Гном был полностью закутан (по-другому и не скажешь) в черный кожаный чешуйчатый доспех, оставлявший лишь узкую прорезь для глаз. Если бы не спокойный властный голос, стоявшая перед Ваймсом фигура могла сойти за чрезмерно мрачное украшение к Страшдеству.

– А вы?.. – спросил Ваймс.

- Меня зовут Пламен, командор. Мудрошлем, ступай и займись своими делами.

Когда «дневное лицо» поспешно вышло из комнаты, Ваймс повернулся и как бы случайно провел рукой по столу, стирая липкий рисунок.

- Вы тоже хотите оказать нам помощь? - поинтересовался он.

- Если смогу, - ответил гном. - Пожалуйста, следуйте за мной. И лучше, если сержант не будет вас сопровождать.

- Почему?

- По очевидной причине, - сказал Пламен. - Она не скрывает свой пол.

- Ну и что? Сержант Ангва - уж точно не гном, - возразил Ваймс. - Нельзя требовать, чтобы все подчинялись вашим правилам.

- Почему? Вы ведь требуете, - ответил гном. - Не могли бы мы вдвоем ненадолго пройти в мой кабинет и побеседовать?

- Все нормально, сэр, - сказала Ангва. - Наверное, это лучший вариант.

Ваймс постарался расслабиться. Он понимал, что позволил себе разозлиться. Молчаливые стражи на улице его взбесили, а взгляд Мудрошлема требовал серьезного осмысления. Но...

- Нет, - сказал он.

- Вы не согласны пойти на маленькую уступку? - уточнил Пламен.

- Я уже пошел на несколько больших, поверьте, - ответил Ваймс.

Скрытые под остроконечным капюшоном глаза несколько секунд пристально смотрели на него.

– Очень хорошо, – сказал Пламен. – Пожалуйста, следуйте за мной.

Гном повернулся и, открыв дверь, шагнул в маленькую квадратную комнатку. Он жестом подозвал стражников и, как только они вошли, потянул за какой-то рычаг.

Комнатка слегка задрожала, и стены поползли вверх.

– Это... – начал Пламен.

– ...подъемник, – закончил Ваймс. – Я знаю. Я видел такие, когда был у Короля-под-Горой, в Убервальде.

Имя словно упало в пустоту.

– Короля-под-Горой здесь... не уважают, – сказал Пламен.

– А я думал, он правит всеми гномами.

– Распространенное заблуждение. Однако мы уже приехали.

Подъемник с легким толчком остановился.

У Ваймса глаза полезли на лоб.

Анк-Морпорк строился на Анк-Морпорке, все это знали. Каменные дома стояли здесь еще десять тысяч лет назад. Ежегодный разлив Анка приносил массу ила, поэтому город поднимался и поднимался, и чердаки становились подвалами. Но даже теперь, как говорили, человек, вооруженный киркой и хорошим чувством направления, мог пересечь весь город по подвалам, прокладывая дорогу через подземные стены. Разумеется, если он умел дышать жидкой грязью.

Что было здесь прежде? Дворец? Храм какого-то божества, которое в конце концов стерлось из человеческой памяти? Они стояли в просторном помещении, в котором царил непроглядный мрак, но в слабом сиянии угадывались красивые своды над головой. Странное сияние...

– Это вурмы, – объяснил Пламен. – Из глубоких пещер в окрестных горах Лламедоса. Мы привезли их сюда. Здесь они быстро размножаются. Ваш ил оказался для них подходящей пищей. Они даже стали светиться ярче.

Свет двигался. Он не то чтобы освещал – скорее, обрисовывал контур предметов и полз в сторону подъемника, растекаясь по великолепному потолку.

– Они реагируют на тепло и движение, – объяснил гном.

– Э... зачем?

Пламен негромко рассмеялся.

– На тот случай, если вы умрете, командор. Они думают, что вы крыса или небольшой олень, который провалился в их пещеру. Под землей еды мало. Каждый ваш выдох – пища для вурмов. А когда наконец вы умрете, они... спустятся. Вурмы очень терпеливы. Они не оставят ничего, кроме костей.

– Я не намерен здесь умирать, – заявил Ваймс.

– Разумеется. Пожалуйста, следуйте за мной. – Пламен подвел гостей к большой круглой двери. Таких в дальнем конце зала было много. А еще – несколько открытых туннелей.

– Насколько глубоко мы находимся?

– Не так уж глубоко. Примерно сорок футов. Гномы хорошо копают.

– В сорока футах под Анк-Морпорком?! Тогда почему мы сейчас не дышим водой? Впрочем, назвать ее водой было бы незаслуженным комплиментом.

– Воду мы тоже хорошо умеем откачивать. К сожалению, гораздо хуже мы, кажется, умеем впутывать в наши дела Сэмюэля Ваймса... – Гном вошел в помещение поменьше. Его потолок был покрыт толстым слоем сверкающих вурмов. Пламен указал на два маленьких стула.

– Садитесь. Не желаете ли подкрепиться?

– Нет, спасибо, – ответил Ваймс и осторожно опустился на стульчик. Он сидел почти подперев коленями подбородок. Пламен сел за маленький стол, сложенный из каменных плиток, и, к изумлению Ваймса, снял капюшон, оказавшись довольно молодым и с аккуратно подстриженной бородой.

– Как далеко простираются ваши туннели? – поинтересовался Ваймс.

– Я не вправе об этом говорить, – спокойно ответил Пламен.

– То есть вы подрываете мой город?

– Перестаньте, командор. Вы же были в убервальдских пещерах. Вы видели, как гномы умеют строить. Мы – мастера. Не опасайтесь, что ваш дом рухнет.

– Но вы не просто строите подвалы! Вы прокладываете шахты!

– В некотором смысле. Мы таким образом ищем пусто?ты. Свободное пространство, командор. Вот что нам нужно. Да, мы копаем в поисках отверстий. Хотя в процессе разработок порой находим глубоко залегающую патоку – наверное, вам это будет небезынтересно узнать...

– Но так нельзя!

– Правда? Тем не менее мы продолжаем работать, – спокойно отозвался Пламен.

– Вы роетесь под собственностью, которая принадлежит другим?

– Роятся кролики, командор. Мы – копаем. И – да, под чужой собственностью. Как далеко вниз и вверх простирается право собственности, в конце концов?

Ваймс взглянул на гнома. «Успокойся, – подумал он. – Ты здесь ничего не поделаешь, проблема слишком велика. Пусть решает Ветинари. А ты придержишься того, что знаешь. Разбирайся с чем можешь».

– Я веду следствие по поводу одной внезапной смерти, – сказал он.

– Да. Граг Бедролом. Ужасное несчастье, – с невозмутимостью, от которой хотелось лезть на стенку, произнес Пламен.

– Я слышал, произошло подлое убийство.

– Да, это вполне справедливо сказано.

– То есть вы признаете?

– Я так полагаю, командор, вы имеете в виду – признаю ли я, что произошло именно убийство? Да. И мы сейчас решаем проблему.

– Каким образом?

– Обсуждаем назначение задкрдга, – ответил Пламен, складывая руки на груди. – Это буквально значит «тот, кто чует». Тот, кто способен найти чистую руду истины среди обманки. По-вашему говоря, нюхач.

– Обсуждаете? Вы еще не опечатали место преступления?

– Нюхач может отдать такой приказ, командор, но мы и так уже знаем, что преступление совершил тролль. – На лице Пламена возникла презрительная насмешка, которую Ваймсу захотелось стереть.

– Откуда вы знаете? Были свидетели?

– Нет. Но рядом с трупом нашли троллью дубину, – ответил гном.

– И это все, что у вас есть? – Ваймс встал. – Хватит с меня. Сержант Ангва!

– Сэр? – отозвалась та.

– Идем. Осмотрим место преступления, пока там можно найти еще хоть какие-нибудь улики!

– Вам нечего делать на нижнем ярусе! – огрызнулся Пламен, вскакивая.

- Как вы намерены меня удержать?

- А как вы намерены миновать запертые двери?

- А как вы намерены выяснить, кто убил Бедролома?

- Я же сказал, мы нашли троллю дубину!

- И все? «Мы нашли дубину, значит, виноват тролль»? С помощью этих врак вы собираетесь развязать войну в моем городе? Потому что, поверьте, когда слухи разойдутся, начнется война. Так вот, только попробуйте - и я вас арестую.

- И развяжете войну в своем городе? - спросил Пламен.

Гном и человек яростно смотрели друг на друга, затаив дыхание. На потолке над ними собирались вурмы, впитывая брызги слюны и запах гнева.

- Кто, кроме тролля, способен напасть на грага? - наконец сказал Пламен.

- Отлично! Вы наконец-то начали задавать вопросы. - Ваймс склонился через стол. - Если хотите получить ответы, отойдите от двери.

- Нет! Вам нельзя вниз, Дежурный по доске Ваймс!

Гном не смог бы вложить больше яда даже в слово «детоубийца».

Ваймс уставился на него.

Дежурный по доске... Действительно, он был дежурным по доске в маленькой школе на углу более сорока пяти лет тому назад. Мама настояла. Бог весть как она добывала этот пенни - столько стоило дневное пребывание в школе, - хотя, как правило, мадам Мало охотно принимала плату ношеной одеждой, дровами, а главное, джином. Цифры, буквы, меры и весы - программа была не самая насыщенная. Ваймс ходил в школу девять месяцев, а потом улица начала давать ему более суровые уроки. Но ему действительно доверили вытирать грифельные дощечки и доску. Ох уж это головокружительное сознание собственной власти в

шесть лет!

- Вы это отрицаете? – поинтересовался Пламен. – Вы уничтожали написанные слова! Вы сами признались Королю-под-Горой в Убервальде!

- Я пошутил! – ответил Ваймс.

- То есть вы отрицаете?

- Что? Нет! Он был впечатлен моими титулами, и я упомянул и об этом... просто для смеха.

- Вы все-таки отрицаете свое преступление? – настаивал Пламен.

- Какое преступление? Я вытирал доску, чтобы на ней можно было написать еще что-нибудь? Где тут преступление?

- И вы не задумывались о том, куда отправлялись стерты вами слова? – спросил Пламен.

- С какой стати? Это же просто меловая пыль.

Пламен вздохнул и потер глаза.

- Тяжелая ночка? – поинтересовался Ваймс.

- Командор, я понимаю, что вы были юны и, наверное, не сознавали, что делали. Но теперь-то вы должны понять: с нашей точки зрения, вы гордитесь тем, что совершили наигнуснейшее преступление – уничтожение слов.

- Что-что? Стереть с доски «А – арбуз» – это тяжкое преступление?

- Немыслимое для настоящего гнома, – подтвердил Пламен.

- Правда? Но я пользуюсь доверием самого Короля-под-Горой, – сказал Ваймс.

– Я понимаю. Но здесь, внизу, шестеро многоуважаемых грагов, командор. С их точки зрения, Король-под-Горой и подобные ему сбились с пути истинного. – Пламен быстро проговорил что-то по-гноми, слишком быстро, чтобы Ваймс успел понять, после чего перевел: – Он слишком слаб. Опасно либерален. Ме?лок. Он видел свет.

Пламен внимательно наблюдал за ним. «Думай». Насколько помнил Ваймс, Король-под-Горой и его окружение были те еще крепкие орешки. А граги считали их слюнявыми либералами.

– Слишком слаб? – переспросил он.

– Да. Пожалуйста, сделайте из моих слов некоторый вывод о гномах, которым я служу.

«Ага, – подумал Ваймс. – Что-то тут кроется. Намек, не более. Наш друг Пламен – мыслитель».

– Когда вы говорите «он видел свет», то как будто имеете в виду «безнадежно испорчен», – заметил он.

– Примерно так и есть. Мы живем в разных мирах, командор. Здесь, внизу, ваши метафоры теряют смысл. Увидеть свет значит ослепнуть. Разве вы не знаете, что в темноте глаза открываются шире?

– Отведите меня к тем, кто внизу, – потребовал Ваймс.

– Они не станут слушать. Не станут даже смотреть на вас. Граги не имеют никаких дел с Верхним Миром. Они считают его дурным сном. Я не посмел рассказать им про ваши газеты, которые печатают каждый день и выбрасывают, словно мусор. Граги умерли бы от ужаса.

«Но именно гномы изобрели печатный станок, – подумал Ваймс. – Несомненно, это были неправильные гномы. И я сам видел, как Шелли выбрасывает исписанную бумагу в мусорную корзинку. Похоже, почти все гномы – неправильные. Так, что ли?»

– В чем конкретно состоят ваши обязанности, мистер Пламен? – спросил он.

– Я – главный посредник между грагами и Верхним Миром. Можно сказать, распорядитель.

– А я думал, это обязанность Мудрошлема.

– Мудрошлема? Он распоряжается покупками, передает мои приказы, расплачивается с рабочими и так далее. По сути, рутинная работа, – пренебрежительно ответил Пламен. – Он новичок. Его обязанность – делать то, что велят. От лица грагов говорю я.

– От их имени вы общаетесь с дурными снами?

– Можно и так сказать. Они ни за что не позволят заносчивому словоубийце стать нюхачом. Это кощунство.

Они вновь яростно уставились друг на друга.

«И мы опять возвращаемся к Кумской долине», – подумал Ваймс.

– Они не...

– Вы позволите? – негромко перебила Ангва.

Две головы повернулись к ней, два рта произнесли:

– Что?

– Этот... нюхач. Искатель правды. Он обязательно должен быть гномом?

– Конечно! – ответил Пламен.

– Тогда как насчет капитана Моркоу? Он гном.

– Мы про него знаем. Он... аномалия, – сказал Пламен. – Его принадлежность к гномьему роду весьма сомнительна.

– Но большинство городских гномов признают, что Моркоу гном! – возразила Ангва. – И он стражник!

Пламен плюхнулся обратно на стул.

– Для здешних гномов – да, он гном. Но для грагов это неприемлемо.

– Нет ни одного закона, который воспрещал бы гному быть выше шести футов росту, сэр!

– Граги и есть закон, женщина, – огрызнулся Пламен. – Они толкуют законы, которые возникли десятки тысяч лет назад!

– Ну, наши законы поновее будут, – сказал Ваймс, – но убийство есть убийство. Слухи уже разошлись. Из-за вас гномы и тролли беспокоятся, и скоро закипят страсти. Вы хотите войны?

– С троллями?

– Нет, с городом. С обнесенным стенами местом, где существует единый незыблемый закон. Его светлость ни за что не согласится...

– Вы не посмеете!

– Погляди мне в глаза, – предложил Ваймс.

– Гномов больше, чем городских стражников, – сказал Пламен, но уже без усмешки.

– То есть вы хотите сказать, что закон – всего лишь вопрос количества? – уточнил Ваймс. – А я думал, вы, гномы, буквально поклоняетесь самой идее закона. Значит, все сводится к числам? Тогда я начну вербовать добровольцев. Троллей в том числе. Они – граждане Анк-Морпорка, как и я. Вы уверены, что каждый гном на вашей стороне? Я соберу армию. Вы не оставляете мне выбора.

Я знаю, каковы порядки в Лламедосе и Убервальде, но здесь они другие. Один закон для всех, мистер Пламен. Вот как мы живем. Если я позволю захлопывать дверь перед носом у закона, можно сразу распустить Стражу.

Ваймс зашагал к двери.

- Вы слышали мое предложение. А теперь я возвращаюсь в Ярд и...

- Подождите!

Пламен не отрываясь смотрел на крышку стола и барабанил по ней пальцами.

- Я... здесь не самый главный, - сказал он.

- Позвольте мне поговорить с грагами. Обещаю не стирать слова.

- Нет. Они не станут с вами говорить. Граги не разговаривают с людьми. Они ждут внизу. Им известно о вашем приходе. Они испуганы. Граги не доверяют людям.

- Почему?

- Потому что вы не гномы, - ответил Пламен. - Потому что вы... вроде сна.

Ваймс положил руки ему на плечи.

- Тогда пойдем вниз, - предложил он. - Расскажи им о ночных кошмарах и укажи на меня.

Долго стояла тишина. Наконец Пламен произнес:

- Хорошо. Но я действую против собственной воли, учтите.

- Я с радостью внесу это в протокол, - сказал Ваймс. - Спасибо за помощь и сотрудничество.

Пламен встал и извлек из недр одеяния связку замысловатых ключей.

Ваймс пытался следить за дорогой, но это было нелегко. Повороты и развилки в темных коридорах казались одинаковыми. И под ногами не хлюпало. Как далеко тянулись туннели? И как глубоко? Где они выходили на поверхность? Гномы пробивались сквозь гранит. Возможно, они умели ходить и по речной тине.

Впрочем, в большинстве случаев гномы не столько вели шахту, сколько расчищали место – выносили ил, прокапывались из одного старинного, сочащегося водой помещения в другое. И вода отчего-то уходила.

Что-то блестящее – возможно, волшебное – смутно виднелось в темных коридорах, когда они проходили мимо. Слышалось странное пение. Ваймс знал некоторые выражения на гномьем – например, «топор моей тетки тебе в голову!», – но это пение не походило ни на что знакомое. Оно больше напоминало короткие слова, произносимые очень-очень быстро.

С каждым новым поворотом его гнев возрастал. Их водят кругами, так ведь? Исключительно издевки ради. Пламен шагал впереди, предоставив Ваймсу брести на ощупь и периодически стучаться головой.

Гнев так и бурлил. «Все это просто дурацкие отговорки! Гномов не волнует закон, Ваймс, Верхний Мир! Они копают под городом и не повинуются нашим правилам! Черт возьми, Пламен сам признал, что совершилось убийство! Так почему же я терплю эту проклятую комедию?»

Он миновал еще один туннель, на сей раз с приколоченной поперек входа доской. Ваймс выхватил меч, крикнул: «А здесь что такое?», разрубил доску и зашлепал по туннелю. Ангва последовала за ним.

– Разумно ли это, сэр? – шепнула она на ходу.

– Нет. Но мистер Пламен у меня уже в печенках сидит, – прорычал Ваймс. – Ей-богу, еще один дурацкий туннель – и я приведу сюда толпу стражников, и плевать на политику!

– Успокойтесь, сэр.

– Все, что Пламен говорит и делает, – вопиющее оскорбление! У меня прямо кровь кипит! – заявил Ваймс, шагая вперед и не обращая внимания на возгласы Пламена.

– Впереди дверь, сэр!

– Я еще не совсем ослеп! Только наполовину! – рявкнул Ваймс.

Он протянул руку к большой круглой двери с колесом в центре. На ней мелом были написаны гномьи руны.

– Ты можешь их прочесть, сержант?

– Э... «Смертельная опасность. Затопление. Не входить», – сказала Ангва. – Примерно так, сэр. Это водонепроницаемая дверь, сэр. Я такие видела.

– И тоже заперта, – заметил Ваймс. – Похоже, сплошное железо... Ч-черт!

– Сэр?

– Напоролся на гвоздь. – Ваймс сунул руку в карман. Сибилла исправно следила за тем, чтобы в нем каждый день был чистый платок.

– Гвоздь в железной двери, сэр?

– Ну, значит, заклепка. Я в темноте ничего не вижу. Почему бы им не...

– Следуйте за мной! Это же шахта. Здесь опасно, – предостерег Пламен, наконец догнав их.

– Вас заливают? – поинтересовался Ваймс.

– Ничего удивительного. Но мы знаем, как бороться с водой. А теперь держитесь ближе ко мне!

– Я так и поступлю, сэр, если буду знать наверняка, что мы идем прямой дорогой! – возразил Ваймс. – В противном случае я предпочту поискать короткий путь.

– Мы уже почти пришли, командор, – сказал Пламен, шагая в темноту. – Почти пришли.

Троль брел бесцельно и безнадежно...

Его звали Кирпич, хотя сейчас он этого и не помнил. Голова болела. Дико болела. Это все из-за «Скреба». Как там, ета, говорят? Когда начинаешь наводить «Скреб», значит, типа, ты пал так низко, что даже тараканам приходится нагибаться, чтоб на тебя плюнуть...

Вчера ночью... что там стряслось? Что он видел, что сделал? Какие именно картинки в его пульсирующем, кипящем мозгу были правдой? Ета, огромные косматые слоны, наверное, все-таки ему померещились. Кирпич был уверен, что в городе нет никаких огромных косматых слонов, потому как если б они были, то, ета, он бы их раньше заметил и на улицах лежали бы огромные кучи етого самого, ну и, типа, все такое... короче, он бы точно заметил.

Его звали Кирпич, потому что он родился в городе. Тролли состоят из метаморфической породы, а потому зачастую принимают облик местных камней. Он был грязно-оранжевого цвета, с рисунком в виде горизонтальных и вертикальных линий. Если Кирпич стоял вплотную к стене, то почти сливался с ней. Но большинство и так не замечало Кирпича. Он был из тех, чье существование – само по себе оскорбление для приличных граждан. С их точки зрения.

Ета, а шахта с теми гномами – правда или нет? Он, типа, пошел искать укромное местечко, чтоб отлежаться и поглядеть красивые картинки, и вдруг – опаньки! – оказался в гномьей норе. Ну, ето точно глюк. Хотя-я... на той улице говорили, типа, что какой-то тролль залез в гномий ход, ага, и все теперь его ищут, и вовсе не затем, чтоб поздороваться... говорят, Лавина очень, очень хочет его найти. Пацаны разозлились. Пацанам не понравилось, что какой-то тролль, ета, замочил гнома, который говорил плохие слова. Они там, ета, рехнулись все, что ли? Хотя-я... неважно, рехнулись или нет, потому что они, ета, будут задавать

вопросы, от которых потом больно целый месяц, так что, эта, он лучше спрячется подальше...

С другой стороны... гномы все равно не отличают одного тролля от другого. И никто его не видел. Поэтому, типа, надо вести себя как всегда. И все будет тип-топ. Тип-топ, ага. И ваще, ето ж не мог быть он...

До Кирпича... – ага, эта, типа, меня так зовут, я ж всю дорогу помнил – до Кирпича дошло, что на дне мешочка у него еще осталось немного белого порошка. Теперь надо только найти испуганного голубя и капельку спиртного. Любого. И тогда все будет тип-топ. Дык. Да ваще. Не о чем беспокоиться.

Дык.

Когда Ваймс вышел на улицу, залитую ослепительным солнечным светом, первое, что он сделал, так это втянул побольше воздуха, а затем вытащил меч и поморщился, когда раненая рука дала о себе знать.

Свежий воздух. О да. Под землей у Ваймса кружилась голова и крошечный порез чесался. «Пусть Игорь на него глянет. В подземной грязи можно подцепить любую дрянь».

Да, вот так уже лучше. Ваймс почувствовал, что остывает. Внизу ему было не по себе.

С первого взгляда толпа на улице уже всерьез походила на банду, но со второго взгляда Ваймс определил, что она скорее напоминает кекс с изюмом. Вовсе не нужно много людей, чтобы превратить встревоженную, возбужденную толпу в боевую силу. Там крикнуть, тут пихнуть, здесь бросить камень... и тогда, если правильно постараться, нерешительные и робкие индивидуумы сольются в большинство, которого, по сути, не существует.

Детрит по-прежнему стоял как статуя и, видимо, не обращал внимания на растущий гам. Но Кольцедел... о, черт. Он горячо спорил с первыми рядами. Стражнику нельзя спорить! Нельзя позволять втягивать себя в скандал!

– Капрал Кольцедел! – рявкнул Ваймс. – Сюда!

Гном повернулся – и тут же половинка кирпича, пролетев над головами, с лязгом отскочила от его шлема. Стражник повалился, как срубленное дерево.

Детрит двигался так быстро, что добрался до середины толпы, прежде чем Кольцедел рухнул на булыжники. Троль сунул руку в гущу спрессованных тел и извлек оттуда извивающегося нарушителя. Затем он развернулся, зашагал обратно по проходу, который еще не успел сомкнуться, и остановился перед Ваймсом. Шлем Кольцедела вращался на мостовой.

– Отличная работа, сержант, – вполголоса сказал Ваймс. – У тебя есть план, что делать дальше?

– Я, ета, в основном тактик, сэр, – ответил Детрит.

Ну-ну. В такие минуты нельзя спорить – и нельзя отступать. Ваймс вытащил и поднял повыше значок.

– Этот гном арестован за нападение на офицера Стражи! – заорал он. – Пропустите нас, именем закона!

К его удивлению, толпа затихла, совсем как школьники, которые поняли, что на сей раз учитель разозлился всерьез. «Может быть, – подумал он, – все дело в словах на значке. Их-то не сотрешь».

В тишине из свободной руки гнома, которого крепкой хваткой держал Детрит, вывалилась вторая половинка кирпича. Годы спустя Ваймсу достаточно было закрыть глаза, чтобы припомнить стук, с которым кирпич упал на мостовую.

Ангва выпрямилась, держа на руках безчувственного Кольцедела.

– Он оглушен, – сказала она. – И, кстати, сэр, обернитесь на секундочку...

Ваймс рискнул оглянуться. Пламен – по крайней мере, этот гном в кожаном облачении вполне мог быть им – стоял в тени за дверью. Толпа смотрела на него.

– Нам дозволено уйти? – уточнил Ваймс, кивком указывая на гнома.

– Думаю, это самое лучшее, сэр, вам так не кажется?

– Ты права, сержант. Детрит, держи крепче этого придурка. Возвращаемся, ребята.

Толпа почти беззвучно расступилась, пропуская их. Тишина сопровождала стражников всю дорогу до Псевдополис-Ярда...

...А там ждал Отто Шрик из «Таймс» с иконографом наготове.

– Нет, Отто, – сказал Ваймс, как только стражники приблизились.

– Я нахожусь в общественном месте, мистер Файмс, – кротко ответил Отто. – Улыбочку, пошалуйста...

И сделал картинку тролля, который держал на весу арестованного гнома.

«Так, – сказал себе Ваймс. – Вот она, первая страница. И, возможно, сюжет для комикса».

«Один гном в камере, другой в заботливых руках Игоря, – думал Ваймс, плетясь по лестнице в кабинет. – И дальше будет только хуже. Гномы подчинились Пламену. А что бы они сделали, если бы он покачал головой?»

Он плюхнулся на стул с такой силой, что тот отъехал на фут.

Ваймс встречал глубинных гномов и раньше. Они были странные, но до сих пор он с ними ладил. Король-под-Горой был глубинным гномом, но Ваймс нашел с ним общий язык. Стоило только признать, что сказочный человечек с бородой, как у Санта-Хрякуса, – ловкий политик. Король-под-Горой был гномом с широким кругозором. Он охотно имел дело с окружающим миром. Ха. Он «видел свет». Но граги...

Ваймс не видел их, хотя они сидели в комнате, залитой ослепительным светом сотен свечей. Это казалось очень странным, поскольку самих грагов полностью скрывали черные кожаные одеяния с островерхими капюшонами. Но, возможно, того требовала какая-то таинственная церемония, и не Ваймсу в любом случае искать ее смысл. Может быть, в самом сердце света кроется священная тьма? Чем ярче свет, тем глубже тень?

Пламен заговорил на языке, который напоминал гномий. Из-под темных капюшонов слышались вопросы и ответы – отрывистые, резкие, односложные.

Ваймса попросили изложить самую суть заявлений, которые он сделал наверху – теперь казалось, что где-то очень далеко. Он подчинился, и последовала долгая дискуссия – на языке, который Ваймс про себя назвал «глубинным». Он чувствовал, что невидимые глаза внимательно наблюдают за ним. К сожалению, у него мучительно ныла голова, а в руке то и дело вспыхивала острая боль.

Потом беседа закончилась. Ваймс не знал, поняли ли его граги. Пламен сказал, что они, хоть и с заметной неохотой, согласились. Ой ли? Ваймс не имел абсолютно никакого понятия о том, что было сказано на самом деле. Он так и не понял, получит ли Моркоу доступ на место преступления и не будут ли ему мешать. Ваймс фыркнул. А вы что думаете, мальчики и девочки?

Он ущипнул себя за переносицу, после чего уставился на свою правую руку. Игорь долго распространялся о «крошечных невидимых кушачих шушшешствах» и смазал царапину какой-то едкой мазью, которая, с вероятностью, убила все живое, вне зависимости от размера и прочих свойств. Пять минут она жгла как сто чертей, а потом впиталась, и вместе с ней ушла боль. Так или иначе, главным было то, что официально убийство грага расследовала Стража.

Взгляд Ваймса упал на верхний листок в стопке «входящих»[5 - Ваймс завел три подноса для документов – «Входящие», «Исходящие» и «Потом разберемся». На последний он сваливал все то, с чем не желал возиться, поскольку был слишком занят, зол, устал или озадачен.]. Он взял его и застонал.

«Кому: его светлости сэру Сэмюэлю Ваймсу, командору Стражи

От кого: от мистера Э. И. Пессимала, инспектора

Ваша светлость, надеюсь, вы не откажетесь как можно скорее ответить на следующие вопросы:

1. Для чего в Страже капрал «Шнобби» Шноббс? Почему вы держите на службе общеизвестного воришку?

2. Я наблюдал за двумя патрульными на Главной улице, и в течение часа они не произвели ни одного ареста. Разве можно назвать это рациональным использованием времени?

3. Уровень жестокости полисменов-троллей в отношении троллей-заключенных кажется мне неоправданно высоким. Не могли бы вы прокомментировать?»

...И так далее. Ваймс дочитал с нескрываемым изумлением. Да, да, этот тип не был стражником – вот уж точно не был, – но, несомненно, мозг у него работал как надо. Ох, боги, он даже заметил ежемесячное несоответствие в графе мелких расходов. Но поймет ли Э. И. Пессимал, если объяснить ему, что многолетняя служба Шнобби более чем окупилась мелким воровством, которое Ваймс рассматривал как неизбежное зло? «Сомневаюсь, что общение с инспектором – это рациональное использование моего времени».

Бросив письмо обратно на поднос, он заметил еще один лист, исписанный почерком Шелли. Ваймс взял его и прочел.

Два гнома и один тролль вернули сегодня утром свои значки, отговорившись «семейными обстоятельствами». Черт возьми. За неделю Стража лишилась семи полисменов! Проклятая Кумская долина! Она повсюду. Да, разумеется, ничего хорошего нет, если ты тролль, который вынужден стоять в оцеплении, сдерживая компанию своих сородичей и защищая какого-нибудь гнома наподобие покойного Бедролома. И уж точно ничуть не лучше, если ты гном и какая-нибудь уличная тролльская банда избил твоего брата из-за того, что этот идиот наговорил. Рано или поздно кто-нибудь спросит: на чьей ты стороне? Если ты не с нами, ты против нас. Х-ха. Мухи отдельно, котлеты отдельно...

Моркоу тихо вошел и поставил на стол тарелку.

– Ангва мне рассказала, – произнес он. – Вы отлично сработали, сэр.

– Что значит «отлично сработал»? – поинтересовался Ваймс, глядя на внушительный сэндвич с беконом, салатом и помидорами. – Я чуть не развязал войну!

– Да, но граги не знали, что вы блефуете.

– Возможно, я не блефовал.

Ваймс осторожно приподнял верх сэндвича и улыбнулся в душе. Старая добрая Шелли. Она знала, что такое сэндвич с беконом, салатом и помидорами в представлении Ваймса. Нужно было разгрести уйму хрустящего бекона, чтобы добраться до ничтожных, погребенных под его тяжестью овощей. Они вообще могли остаться незамеченными.

– Возьми с собой под землю Ангву, – сказал он. – И... да, младшего констебля Хампединга. Нашу маленькую Салли. Подходящая работка для вампира, который, как по заказу, возник в критический момент. Посмотрим, на что она годится.

– Только их, сэр?

– Э... да. У обеих, если не ошибаюсь, хорошее ночное зрение. – Ваймс посмотрел на сэндвич и добавил: – Придется обойтись без искусственного освещения.

– Расследование убийства в темноте, сэр?

– У меня нет выбора! – воскликнул Ваймс. – Я распознаю проблему, как только вижу ее, капитан. Никакого искусственного света. Если гномы намерены изображать передо мной дурачков – пожалуйста. Ты разбираешься в шахтах, а у Салли и Ангвы – врожденное ночное зрение. По крайней мере, у вампирши, а Ангва буквально видит носом. Так что решено. Уж пожалуйста, постарайтесь. Там полно этих дурацких светящихся жучков, хоть какая-то от них польза.

– Вурмы? – уточнил Моркоу. – Ничего себе! Пожалуй, я кое-что смогу сделать, сэр.

– Вот и хорошо. Гномы говорят, Бедролома убил какой-то тролль и сбежал. Выясни как можно больше.

– Они могут возразить против Салли, сэр, – сказал Моркоу.

– Что? А они догадаются, что она – вампир?

– Нет, сэр, не думаю...

– Ну так и не говори им. Ты ведь... нюхач, значит, тебе решать, какими, эгм... инструментами пользоваться. Видел это? – Ваймс помахал рапортом о трех стражниках, которых он старался не считать дезертирами.

– Да, сэр. Я как раз хотел поговорить с вами. Возможно, будет лучше, если мы слегка изменим состав патрулей.

– Что ты имеешь в виду?

– Э... я предлагаю составить расписание таким образом, чтобы троллям и гномам не приходилось работать в одной смене, сэр. Э... некоторые говорят, что были бы просто счастливы, если бы мы...

Моркоу осекся, встретив каменный взгляд Ваймса.

– Когда мы составляем расписание, капитан, то не обращаем внимания на то, к какой расе принадлежит патрульный, – ледяным тоном произнес командор. – Разумеется, за исключением пиктси.

– Значит, уже есть прецедент... – начал Моркоу.

– Не говори глупостей. Пиктси живет в комнате, которая немногим больше обувной коробки. Ты же сам понимаешь, что менять расписание – бредовая идея. Вдобавок и опасная. Придется отправлять на дежурство гнома с гномом, тролля с троллем, человека с человеком...

– Необязательно, сэр. Люди могут выходить с кем угодно.

Ваймс качнулся вперед.

– Нет, не могут! Дело тут не в здравом смысле, а в страхе. Если тролль увидит гнома и человека вместе в патруле, он подумает: «Это мои враги, двое против одного». Понимаешь, чем это пахнет? Если стражнику придется туго и он запросит помощи, я не хочу, чтобы он отказывался от подкрепления, если оно, черт возьми, будет неподходящего роста!

Ваймс немного успокоился, открыл записную книжку и бросил ее на стол.

– Кстати говоря, ты не знаешь, что это такое? Я видел этот значок в шахте. Гном по имени Мудрошлем нарисовал его на столе при помощи пролитого кофе – по моему, сам того не сознавая.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Ваймс признавал, что в случае со Шнобби все далеко не так ясно. Шнобби, как и большинство других стражников, был человеком, хотя и вынужденным носить с собой документ, подтверждающий это.

2

Что зачастую выражалось в репликах типа: «Старина Фред решил, что теперь его назначат охранять кладовую, вот он и согласился». Поскольку это образчик служебного юмора, ему необязательно быть смешным.

3

Анойя – анк-морпорская богиня вещей, которые застревают в ящиках.

4

Ваймсу никогда не давались игры сложнее дартса. Особенно его раздражали шахматы. Ваймса неизменно злило, что одни пешки тупо идут убивать других, в то время как короли прохлаждаются в сторонке и ничего не делают. Если бы только пешки объединились и, например, договорились с ладьями, то на доске за десяток ходов установилась бы республика.

5

Ваймс завел три подноса для документов – «Входящие», «Исходящие» и «Потом разберемся». На последний он сваливал все то, с чем не желал возиться, поскольку был слишком занят, зол, устал или озадачен.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/terri-pratchett/shmyak>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)